

**ГЕНЕРАЛ-МАЙОР
М. Г. ДРОЗДОВСКИЙ**

ысль о том, что большинство Белых военачальников стало широко известными лишь с началом Гражданской войны, где в полной мере смогли проявиться их личностные качества, как нельзя более справедлива в отношении генерал-майора М. Г. Дроздовского. Его биографию дореволюционного периода, путь доблестного, но в общем типичного офицера – озарил, затмил и обессмертил последний год жизни и первый год дела, которому эта жизнь была отдана.

* * *

Михаил Гордеевич Дроздовский родился 7 октября 1881 года в Киеве в военной семье. Его отец, генерал-майор Гордей Иванович Дроздовский, был участником Крымской войны 1853–1856 годов, прошел пекло Севастопольской обороны. Мать умерла очень рано, и Михаил ее почти не помнил; его воспитанием самоотверженно занималась сестра Юлия, бывшая на 15 лет старше. Мальчик рос избалованным, хотя отсутствие материнской ласки сделало его замкнутым, скрытным и диловатым. Он часто избегал игр со сверстниками, предпочитая общество денщиков отца, жадно слушая их незатейливые воспоминания о сражениях, полковых и деревенских буднях. В детстве и юности Михаил проявлял заметные способности к рисованию, полюбил стихи, особенно о войнах, много их знал наизусть и с увлечением декламировал сестрам.

С раннего детства мальчик с увлечением слушал и отцовские рассказы из боевого прошлого и военной истории. Развиваясь, черты его характера – впечатлительность, любознательность, энергичность, самостоятельность – переплетались с преклонением перед Русской Армией, силой ее духа и оружия, и Российской Империей в целом. Естественно, когда подошла пора учения, отец и сын были единомышленны в избрании для Михаила военной карьеры. Сыграл здесь свою роль и высокий престиж Армии в эпоху Императора Александра III.

В 1892 году Михаил Дроздовский поступил в Полоцкий кадетский корпус, из которого вскоре перевелся в Киевский Владимирский. По воспоминаниям однокашников, он демонстрировал «выдающиеся способности наряду с необыкновенной ленью, своенравием и изобретательностью шалостей». Рефреном кадетских лет звучал постоянный окрик офицера-воспитателя Гааса: «Дроздовский, под арест!» Одновременно все отмечали его мужество и щепетильную честность: он прямо, не колеблясь, признавался в провинностях, не страшился наказания и никогда не прятался за спины других. Поэтому, несмотря на вспыльчивость, горячность и порой резкую откровенность, Михаил пользовался уважением и доверием товарищей по классу. Любовь ко всему военному постепенно, с большим трудом, но обуздывала мальчика, в науках же он преуспевал.

Окончив кадетский корпус в 1899 году, по настоянию отца юноша избрал Павловское военное училище в Санкт-Петербурге, славившееся отличной подготовкой и строжайшей дисциплиной. Специфику пребывания в нем ярко показывает такая выходка Дроздовского: часто попадая в карцер, он однажды вывесил на его дверь свою визитную карточку, уверяя всех, что ему предоставили персональную комнату. Причиной конфликтов был характер Дроздовского, неспособного «покорно, а главное, без противоречий выслушивать окрики, замечания, зачастую несправедливые и абсурдные». Одно время он даже хотел уйти из училища, но отец смог переубедить сына. Как бы то ни было, в 1901 году юнкер Дроздовский окончил училище одним из первых.

Многие «Павлоны» традиционно пополняли ряды Гвардейской пехоты. Благодаря успехам в учебе завтрашний подпоручик мог выбирать вакансию. Правда, из-за ограниченности материальных возможностей семьи (Дроздовские не владели никаким недвижимым имуществом – ни наследственным, ни «благоприобретенным») «дорогие» полки петербургской Гвардии оказались недоступны. Выбор остановился на расквартированном в Царстве Польском более скромном Лейб-Гвардии Волынском полку, куда новоиспеченный офицер и вышел 13 августа 1901 года. Решение о приеме новичка должно было приниматься единогласно собранием всех офицеров полка, и наличие малейшего «пятна» или даже просто неприязнь одного из них делали вступление в Гвардию невозможным. Репутация Дроздовского оказалась безупречной.

* * *

У Волынцев не было принято хвастовство кутежами, долгами и любовными похождениями. Но царившие в полку скромность и строгий порядок достигались, в отличие от училища, не бесконечными замечаниями, а доброжелательными советами старших офицеров младшим. Лишенные оскорбительного оттенка, те же дисциплинарные требования стали для Дроздовского легкими и естественными. Полк давал возможность широкого духовного развития офицеров, которые пользовались прекрасной библиотекой, интересовались научными вопросами, философией. Именно в полку молодой подпоручик всерьез увлекся шахматами.

Трехлетняя строевая служба отшлифовала офицерский облик Михаила Гордеевича. Однако чисто полковые занятия для его деятельной натуры были слишком узки. В 1904 году Дроздовский подал рапорт о желании поступить в Николаевскую Академию Генерального Штаба, готовиться к экзаменам в которую начал еще раньше, и недаром, поскольку отбор слушателей производился тщательнейше, и поступали лишь самые талантливые и работоспособные офицеры. Испытания (экзамены) были двухступенчатыми: в Штабе военного округа – там производился и первичный отсев – и в Петербурге, непосредственно в Академии. Первые состояли из решения тактической задачи (с приложением объяснительной записки и приказа), сочинения по русскому языку и верховой езды. В Академии поступающего ждали экзамены по тактике, строевым уставам всех родов оружия, отдельно – по артиллерии, инженерным войскам, математике за полный курс реального училища, всеобщей и русской истории, географии (по немым картам), русскому языку (диктант и сочинение), немецкому и французскому языкам и опять же верховой езде. Серьезность испытаний была столь высока, что решившихся на участие в них другие офицеры считали «безумцами», с чем те, в свою очередь, в общем-то соглашались. Зато и уровень слушателей поддерживался очень высоким. Поблажек, в том числе и Гвардейцам, при поступлении почти не делалось.

«Приходилось нести службу, поддерживать товарищеские отношения, – вспоминал один из слушателей Академии о своей подготовке к экзаменам, занявшей больше года, так как двухмесячного отпуска, предоставлявшегося для этой цели только после прохождения окружных испытаний, хватить не могло. – Для подготовки оставалась лишь ночь. Поэтому я распределил свое время так: придя с утренних занятий (в полку. – Р. А.) и пообедав, я ложился спать и спал до 7 вечера, а потом до 5 часов утра готовился к экзаменам. Проспав с 5 до 8 утра, шел на утренние занятия. Пришлось превратиться в затворника...»

Успешно пройдя окружные испытания, Дроздовский 20 августа 1904 года отбыл на экзамены в Академию. При двенадцатибалльной системе оценок проходным средним баллом была «шестерка», но, с учетом внимательности и дотошности экзаменаторов, получить и ее было нелегко. Дроздовский с испытаниями справился и 4 октября был зачислен на младший курс Академии. Около трети поступивших составляли Гвардейцы, и немудрено: по воспоминаниям современника, «из военных училищ в гвардейские полки шли офицеры со средним баллом не менее 10, а из этой массы в Академию готовились лучшие⁴⁶».

Но шла Русско-Японская война, – и уже 19 октября Дроздовский подал рапорт о переводе на театр военных действий: с самого нападения Японии он рвался на фронт, и лишь нежелание, чтобы подготовка пошла прахом, на первых порах несколько сдерживало его порыв. Будущий офицер Генерального Штаба с широкими перспективами, не задумываясь, рискнул всем, хотя слушатели Академии не подлежали обязательному переводу в Действующую Армию.

Прикомандированный к 34-му Сибирскому (Восточно-Сибирскому) стрелковому полку, Дроздовский храбро участвовал во всех его боях начиная с 25 ноября 1904 года. Сначала он был младшим офицером, с 18 марта 1905 года – командовал 10-й ротой, а с 10 мая стал командиром 15-й роты. В бою у Семапу 14 января 1905 года он был ранен ружейной пулей насквозь в левое бедро, и легкая хромота осталась у него на всю жизнь. 26 апреля «за отличия в боях с 12 по 16 января 1905 г. у дер[евень] Тутайцзы, Хейгоутой и Безымянной (Семапу)» был награжден орденом Святой Анны IV-й степени с надписью «За храбрость». Уже после окончания войны, 30 октября, получил орден Святого Станислава III-й степени с мечами и бантом. По возвращении в столицу, 2 апреля 1906 года Михаил Гордеевич был произведен в поручики Гвардии со старшинством с 13 августа 1905 года. А 34-й стрелковый полк, в котором он проделал кампанию 1904–1905 годов, за Ляоян, Шахэ и Мукден – известнейшие сражения той неудачной войны – получил Георгиевское знамя.

Поражение России в войне Дроздовский воспринял тяжело, а модернизация Армии виделась ему насущной задачей, которой он жаждал отдать все силы. Вернувшись в Академию, он приступил к упорной учебе. Занятия шли с 9 до 12 утра (лекции) и с 12.30 до 16 часов (лекционные и практические); трижды в неделю с 8 часов утра в манеже проводилась верховая езда на уровне кавалерийского училища. Посещение занятий жестко контролировалось: в случае отсутствия слушателя причины выяснялись в тот же день. На младшем курсе Дроздовский вместе со своими соучениками слушал лекции по тактике пехоты (генерал Н. А. Данилов) и конницы (генерал Елчанинов), истории военного искусства до Наполеоновской эпохи (он же), артиллерии, левой фортификации, устройству вооруженных сил и армиям важнейших иностранных государств (полковник Гулевич), истории Наполеоновских войн (подполковник Н. Н. Головин, впоследствии один из виднейших военных ученых русской эмиграции), истории русского военного искусства до Суворова (полковник А. К. Баиов), геодезии (генерал К. В. Шарнгорст), истории XIX века, русской истории (профессор С. Ф. Платонов) и общей тактике⁴⁷. Изредка удавалось выкроить вечер на посещение театра.

По результатам экзаменов по окончании младшего курса около 20% слушателей отсеялось. Остальные участвовали в летних полевых занятиях. Месячный отпуск Дроздовский посвятил поездке домой.

«Пехотинец». Рисунок Н. Кравченко

Старший курс потребовал полного напряжения умственных, душевных и физических сил, так как его итогами определялось будущее офицера. Здесь кроме способностей очень пригодилась сила воли Дроздовского. Закаляясь в испытаниях, она остужала голову, развивала хладнокровие и выдержку, которыми молодой офицер ранее не отличался. Может быть, именно в те годы завершилось формирование его характера, цельного и непоколебимого. Теперь читались лекции по стратегии (знаменитый генерал Н. П. Михневич), общей тактике, истории новейших войн (с 1870 года), общей военной статистике (то есть обзор пограничных государств), русской военной статистике (описание вероятных театров военных действий), инженерной обороне государства, довольствию войск и службе тыла (генерал Н. Н. Янушкевич) и военно-морскому делу. После сдачи экзаменов и завершения полевых тактических занятий, в августе 1907 года Дроздовский, набрав требуемый средний балл – больше 10, – приказом по Академии был зачислен на дополнительный курс, при переходе на который отпуска не полагалось.

Режим и форма занятий на третьем году обучения существенно отличались от прежних. Основное время отводилось на самостоятельную работу над подготовкой докладов по истории военного искусства и по теории военного искусства. Совместные занятия продолжались лишь в манеже. При защите докладов особенно придирчиво следили за точным оформлением и сдачей в срок их текстов и внятностью, убедительностью и краткостью речи. Впоследствии подчиненные, вспоминая о Дроздовском, отмечали: «...Тотчас и определенно формулирующий свои мысли, он сразу производил сильное впечатление».

Вместе с Дроздовским или на год-два раньше или позже в Академии Генерального Штаба учились офицеры, сыгравшие впоследствии видную роль в Гражданской войне. Назовем некоторых из них. Начальник Штаба Дроздовской дивизии полковник Ф. Э. Бредов. Главнокомандующий Вооруженными Силами Советской Республики И. И. Вацетис. Главнокомандующий Русской Армией генерал-лейтенант барон П. Н. Врангель. Помощник начальника Алексеевской дивизии генерал-майор М. М. Зинкевич. Главнокомандующий Вооруженными Силами Республики С. С. Каменев. Начальник Штаба Донской Армии генерал-лейтенант А. К. Келчевский. Начальник Штабов Южного, Юго-Западного и Западного фронтов РККА Н. Н. Петин (впоследствии комкор). Командующий Донской Армией генерал-лейтенант В. И. Сидорин. Начальник Оперативного управления Полевого Штаба РВСР Б. М. Шапошников (впоследствии начальник Генерального Штаба, Маршал Советского Союза). Одновременно с Дроздовским в Академии учился будущий начальник Штаба Кавказской Армии, а затем и всей Русской Армии генерала Врангеля, будущий генерал-от-кавалерии П. Н. Шатилов.

Дополнительный курс Михаил Гордеевич окончил успешно и за отличные успехи был произведен в штабс-капитаны. 23 мая 1908 года, после представления в числе прочих выпускников Императору Николаю II, он был причислен к Генеральному Штабу и направлен на лагерные сборы в Штаб Варшавского военного округа, где прикомандирован к управлению 49-й пехотной резервной бригады. Затем, получив пособие на обзаведение лошадью со всем необходимым (300 рублей), после двухнедельного отпуска прибыл Лейб-Гвардии в Волынский полк. Там с 12 сентября 1908 года по 4 ноября 1910 года Дроздовский в соответствии с требованиями ценза командовал ротой.

* * *

26 ноября 1910 года началась долгожданная служба по Генеральному Штабу: Дроздовский получил назначение обер-офицером для поручений при Штабе Приамурского военного округа и отбыл к новому месту службы. Академия «расширила теоретический кругозор, напитала знаниями, которые нужно было как следует еще переварить, а самое главное, найти им применение в жизни»; молодой генштабист помнил напутственные слова генерала Данилова: «...Настоящая учеба начнется после окончания Академии, и тот, кто остановится на тех знаниях, которые он вынес из Академии, безвозвратно отстанет». Служба в Харбине как раз и стала «практической школой». Как участник Русско-Японской войны, Дроздовский с повышенным интересом и вниманием относился к работе на Дальнем Востоке; в то же время мелочная канцелярская рутинa не давала полного удовлетворения.

Приобретя опыт и хорошо зарекомендовав себя, уже через год, 26 ноября 1911 года, он был назначен старшим адъютантом Штаба Варшавского военного округа и произведен в капитаны со старшинством со 2 мая 1908 года. По воспоминаниям сослуживца, «офицеры Генерального Штаба в Варшавском военном округе жили сплоченной семьей. Этому способствовало наличие единственного в армии особого собрания офицеров Генерального Штаба, где происходили доклады, военные игры, товарищеские ужины и обеды. Здесь генерал по-дружески говорил с капитаном и обменивался взглядами по военным вопросам». Корпоративный дух способствовал деловой обстановке. Энергичный, собранный капитан Дроздовский, бывший и помощником начальника отчетного отделения, запоминался даже мельком видевшим его почему-то прежде всего холодным и твердым взглядом своих голубых глаз. Признанием отличной его работы стал орден Святой Анны III-й степени, полученный 6 декабря 1911 года. Ввиду ухудшения отношений с австро-германским блоком деятельность Штаба округа становилась все активнее и требовала все большего напряжения сил.

Во время Балканской войны 1912 года Дроздовский буквально рвался принять в ней участие, но командование категорически запретило поездки туда всем офицерам без исключения. К этому времени относится и написание Михаилом Гордеевичем «большого труда по стратегии, о будущей русско-германской войне», неизбежность которой была для него очевидной; к сожалению, рукопись не увидела света и не сохранилась. С 13 июня по 3 октября 1913 года Дроздовский, отлично понимавший значение военной техники и необходимость ее развития, прошел курс летчика-наблюдателя в Севастопольской Офицерской Школе Авиации Отдела воздушного флота. В его послужном списке появилась запись: «Совершил 12 полетов вне аэродрома, каждый полет продолжительностью не менее 30 минут, а всего был в воздухе 12 часов 32 минуты».

* * *

Начало Первой мировой войны Дроздовский воспринял с огромным воодушевлением, почти восторженно: «Эта война, величайший исторический момент — моя великая, самая страстная мечта!» Как и для тысяч русских офицеров, патриотический подъем сочетался у него с надеждой выдвинуться, проявить себя. Назначенный 18 июля 1914 года (по мобилизации) помощником начальника общего отдела Штаба Северо-Западного фронта, он почти сразу стал досадовать на эту «писарскую» должность, где не услышишь свиста пу-

В окопах Первой мировой войны

ли, «а без этого разве война – война!!!» Поэтому уже 3 сентября по собственному желанию капитан Дроздовский получает назначение обер-офицером для поручений при Штабе XXVII-го армейского корпуса. Это позволяло быть ближе к позициям, подчас непосредственно руководить боевыми действиями и принимать в них участие.

С 5 января 1915 года Дроздовский – штаб-офицер для поручений при Штабе уже XXVI-го армейского корпуса. Вскоре, 22 марта, он был произведен в подполковники со старшинством с 6 декабря 1914 года, а с 14 апреля начал исполнять должность началь-

ника Штаба 64-й пехотной дивизии. Прекрасный организатор и тактик, Михаил Гордеевич, и возглавив штаб, постоянно находился под огнем на передовой. Несмотря на тяжелые условия, в которых оказалась Русская Армия в 1915 году, Дроздовский сохранял боеспособность дивизии и 1 июля был «за отличия в делах против неприятеля награжден орденом Св[ятого] Равноапостольного Князя Владимира 4-й ст[епени] с мечами и бантом». После временного, с 22 октября по 10 ноября, исполнения должности начальника Штаба своего XXVI-го армейского корпуса подполковник Дроздовский был утвержден в предыдущей должности начальника Штаба дивизии уже, как тогда было принято говорить, «на законном основании». Однако он по-прежнему тяготился «текущим бумагомараньем», на которое часто жаловался в письмах.

Однажды августовской ночью немцы заняли переправу, отрезав отступление всему корпусу. Дроздовский наскоро собрал солдат у штаба дивизии, повел в штыковую атаку, вернул переправу и отразил ряд германских атак. Как гласит выписка из приказа, 2 ноября он был «награжден Георгиевским оружием за то, что, принимая непосредственное участие в бою 20 августа 1915 г. у м[естечка] Ораны, произвел под действительным артиллерийским и ружейным огнем рекогносцировку переправы через реку Меречанку, руководя форсированием ее, а затем, оценив важность захвата северной окраины м[естечка] Ораны, лично руководил атакой частями [253-го пехотного] Перекопского полка и умелым выбором позиций способствовал действиям нашей пехоты, отбившей в течение пяти дней настойчивые атаки превосходящих сил про-

тивника». 24 мая 1916 года награждение было утверждено Высочайшим приказом.

15 августа 1916 года Дроздовский был произведен в полковники со старшинством с 6 декабря 1915 года. А 31 августа при штурме горы Капуль в Карпатах он лично поднял и повел в атаку два полка, почти сразу получив ружейную пулю в область верхней трети правого предплечья с повреждением мышц; через пять дней, ввиду тяжести ранения, состоялась эвакуация в тыл. Усилия докторов имели лишь частичный успех: сохранить руку удалось, но только полупарализованной. Вопреки рекомендациям врачей, в январе 1917 года Дроздовский вернулся на фронт, заняв должность начальника Штаба 15-й пехотной дивизии.

* * *

Февральская революция потрясла убежденного монархиста, каким всю жизнь был потомственный дворянин Дроздовский, хотя он, по собственному признанию, на отречение Императора Николая II и «на переворот естественно смотрел как на опасную и тяжелую, но неизбежную операцию». В то же время он дальновидно предпочел вначале не высказывать откровенного мнения о происходящем, чем создал видимость «благонадежности» к новой власти. 6 апреля полковник Дроздовский стал командиром 60-го пехотного Замосцкого полка своей же дивизии. Вместо него начальником Штаба дивизии был назначен полковник Е. И. Достовалов (будущий начальник Штаба 1-го армейского корпуса Добровольческой Армии), который, увлеченный политической деятельностью в Петрограде, к новому месту службы так и не прибыл и по прошествии двух месяцев был отчислен начальником дивизии генералом Г. Г. Тимротом, а временно исполняющим его должность стал штабс-капитан Е. Э. Месснер, в 1920 году – начальник Штаба Корниловской ударной дивизии.

В письмах Дроздовского этого периода явно чувствуется горечь от развала Армии вследствие «демократизации» военных порядков, начатой известным Приказом № 1. Правда, на Румынском фронте, где служил после излечения Михаил Гордеевич, разложение шло медленнее: генералы Д. Г. Щербачев и А. М. Крымов, принимая разнузданные маршевые роты из тыла, лишали их оружия и «революционных» знамен, а личный состав распределяли по восемь человек в уже имеющиеся подразделения. «В полках с большевиками не церемонились, – отмечал современник, – находили какое-нибудь обвинение “уголовного характера” и изымали из обращения». Очевидно, оснований для инкриминирования не относящихся к «политике» правонарушений имелось предостаточно. Летом фронт еще сражался. Однако распад был необратим, и Дроздовский мог его наблюдать не по дням, а по часам.

27 июня он пишет: «...мне предстоит сомнительная честь вести в атаку наших “свободных граждан”, свободных от чувства долга и доблести...» Вначале мрачные предчувствия вроде бы не оправдались: 11 июня Замосцкий полк вместе с другими частями 15-й пехотной дивизии буквально растерзал 218-ю германскую дивизию под Марештами, самостоятельно взяв у противника десять орудий из одиннадцати, ставших трофеями всей дивизии. Наступавший на Аджуд XVIII-й германский резервный корпус генерала Венингера 27 июля был смят и отброшен на исходные позиции. А уже 31 июля Дроздовский характеризовал действия своего полка лишь как «нечто вроде боя», 1-го же августа началось повальное бегство. Михаил Гордеевич своей властью приказал

«Подстреленный аэроплан». Рисунок И. Владимирова

бить палками бегущих и стрелять по ним, и на следующий день команда разведчиков, расположившись с тыла, удержала полк, а полк – позиции.

Теперь войска были окончательно захлестнуты тыловыми настроениями, так как солдаты пополнений начинали составлять большинство. После «корниловских дней» между офицерами и нижними чинами пролегла пропасть. Положение было красочно изображено в рапорте Дроздовского, написанном в сентябре:

«За последнюю неделю было несколько случаев единичного неповиновения и попытки к неповиновению массовому; были подстрекательства к неисполнению законных распоряжений. По этим случаям ведется дознание, виновные будут преданы суду, но обнаружение зачинщиков очень затрудняется укрывательством и сочувствием им солдатской массы. Привлечение их к суду вызывает среди солдат глухое недовольство; всякое законное требование, стесняющее разнузданность, всякое требование порядка, законности они именуют “старым режимом”. Развращенные безнаказанностью, отменой чиновничества, солдаты позволяют себе в разговорах с офицерами наглые обвинения их в том, что они стоят за войну, так как получают большое жалованье; в солдатской же среде главное настроение – нежелание воевать, непонимание, вернее нежелание понимать необходимость продолжать войну».

Собственные переживания Дроздовского, служившего отнюдь не за жалованье, а из глубокого искреннего патриотизма, отразились в его личной переписке:

«Оборвалось и рухнуло все, чему я верил, о чем мечтал, для чего жил, все без остатка, – в душе пусто. Только из чувства личной гордости, только потому, что никогда не отступал перед опасностью и не склонял перед ней своей головы, только поэтому остаюсь я на своем посту и останусь на нем до последнего часа».

За июльские бои Михаил Гордеевич уже после прихода к власти большевиков, 20 ноября 1917 года, был награжден долгожданным орденом Святого Георгия IV-й степени, но, как признавался он сам, «нисколько не стало легче на душе от этого», хотя «это единственный орден, к которому я никогда не был равнодушен». Награждение, не успевшее отразиться в приказе Армии и Флоту, как бы повисло в воздухе. Дроздовский нашел компромиссное решение, начав на иностранный манер носить в петлице френча Георгиевскую ленточку. Состоялось и его представление к ордену Святого Георгия III-й степени, оказавшееся, однако, безрезультатным. Вместо этого 24 ноября Дроздовский был назначен командующим 14-й пехотной дивизией. Но повышение не радовало. После отмены Совнаркомом чинов, орденов и прочих отличий – иерархии, лежащей в основе любой военной организации, – Дроздовский решил, что долг честного русского офицера, о котором он недавно писал, призывает его к борьбе против разрушения Армии и государства. 11 декабря он сам сложил с себя ставшую почти номинальной должность и отбыл в город Яссы, где располагался Штаб Румынского фронта.

* * *

Еще в ноябре при Штабе фронта состоялось совещание офицеров Генерального Штаба «по вопросу восстановления и спасения гибнущей России», в котором принял участие и Дроздовский. Высказавшись за немедленную вооруженную борьбу с большевиками, он, поддержанный небольшой группой – полковниками М. К. Войналовичем и Давыдовым и капитаном Федоровым, – оказался в меньшинстве. Остальные надеялись на эволюцию большевиков или планировали тайный подрыв их власти изнутри. Генерал Д. Г. Щербачев, фактический Главнокомандующий армиями Румынского фронта (формально эту должность занимал Король Румынии, а Щербачев считался его помощником), сначала предполагал формирование целого корпуса добровольцев для переброски на Дон, где генералом М. В. Алексеевым была начата организация первых Белых отрядов, но вскоре разуверился в этом предприятии.

12 декабря полковник Дроздовский явился на известную ему конспиративную квартиру в Яссах. Назвав пароль «Россия», он оказался в темной комнате, где на столе горела единственная свеча, за столом же сидело некое существо в маскарадном костюме-«домино», женском платке и автомобильных крагах и небрежно поигрывало револьвером. Вся обстановка казалась жутковатой. Визгливым, хриплым голосом существо обменялось с Дроздовским несколькими фразами и предложило ознакомиться со странным документом. «На бумаге черным по белому было написано, – с иронией рассказывал очевидец, – что существует тайная организация, располагающая неограниченным кадром членов во всех уголках земного шара до необитаемых островов включительно, неограниченными материальными средствами и неограниченным запасом вооружений. Управляется организация Верховным Советом из людей, рядовым членам неизвестных. Цель организации – борьба с большевиками всеми средствами. Содержание членов организация берет на себя». Дроздовский был немного шокирован приемом, но согласился сразу. Затем пришлось подписать другую бумагу, гласившую, что за нарушение правил организации вступающий подвергается смертной казни, так же, как и безо всяких проступков, просто по усмотрению Верховного Совета.

Несуразная фигура вздохнула с облегчением, быстро избавилась от камуфляжа и оказалась капитаном Н. В. Сахаровым, сыном известного генерала.

Он объяснил, что маскарад имеет целью конспирацию, а сам он является представителем инициативной антибольшевицкой группы, возникшей еще в середине ноября. В нее входили также В. Д. Янчевецкий – «интернациональный революционер» (?), Генерального Штаба полковник Б. А. Палицын – русский военный агент (атташе) в Румынии, подпоручик П. П. Ступин – переводчик при американской миссии и земгусар⁴⁸ Поздняков. К ним присоединился и ротмистр Д. Б. Бологовской. Пока организация работала неудачно: единственным успехом стало получение всеми правдами и неправдами 20 тысяч румынских лей от французских представителей.

С первого же дня Дроздовский твердой рукой подчинил организацию себе, изгнал всякую бутафорию и добился легализации под названием Первой Бригады Русских Добровольцев. Именно он решил снять получивший вскоре широкую известность дом № 24 на улице Музилер в Яссах, где открыл бюро записи. Есть сведения и о контактах его с «Московским Центром», связанным, в свою очередь, с генералом Алексеевым. В отличие от Щербачева, бюро широко оповестило армию о своей деятельности через газеты «Русское Слово» и «Республиканец». Быстро появились и результаты: офицеры, ставшие париями в собственных частях, охотно покидали их и направлялись в Яссы. Многие стремились поступить в добровольческие части на Дону, о содействии чему имелаась и просьба к Щербачеву от Алексеева, но большинство оставалось у Дроздовского.

Михаил Гордеевич смог развернуть сеть вербовщиков в прифронтовых городах. Поездка в тыл для расширения организации едва не закончилась трагически: в Одессе, контролируемой большевиками, он был арестован, но благодаря своему адъютанту подпоручику Н. Ф. Кулаковскому вновь обрел свободу. Риск, впрочем, оправдал себя: в Кишиневе и Одессе открылись бюро записи офицеров, в которых работали бывшие подчиненные Дроздовского по Замосцкому полку Кулаковский, штабс-капитан В. Н. Ляхницкий и прапорщик Т. Чупрынов; в Тирасполе действовал капитан Кавтарадзе. Во время отсутствия Дроздовского замещал ставший его ближайшим помощником полковник Войналович, полная противоположность по характеру – уравновешенный, неторопливый – и абсолютный единомышленник, самоотверженный патриот и решительный храбрец.

Вербовка велась и более активным, хотя и довольно оригинальным способом: сотрудники Дроздовского специально посещали вокзалы, кафе, где заводили разговоры с офицерами, массово приезжавшими с фронта, и рассказывали об организации. Многие отвечали, что «устали воевать». Вступавшие же частично отправлялись на время обратно в свои полки для агитации (командиры частей не отпускали офицеров в Бригаду, мотивируя это нехваткой командных кадров во фронтовых частях). Поступавшие в Бригаду размещались в общежитиях Евгениевской Общины и получали пособие. Не вполне определенное состояние организации лишало, однако, добровольцев прочего довольствия, затрудняя дальнейшее формирование. Во второй половине декабря по Штабам армий разослали приглашение желающим поступать якобы на американскую службу. Явившихся направляли из консульства на улицу Музилер, в добровольческое бюро. С этого же времени некоторая финансовая поддержка стала поступать от союзников, что позволило хоть немного обеспечить добровольцев всем необходимым. Дроздовский наладил канал и для притока офицеров из «собственно России», которых на станции Унгены встречал специальный агент.

К январю 1918 года Дроздовскому удалось собрать в местечке Скинтея более 200 человек.

Доверенное лицо Михаила Гордеевича, ротмистр Бологовской, создал «команду разведчиков особого назначения», которая добывала оружие и боеприпасы, захватывая их хитростью или силой в разложившихся частях. Но главной функцией по совместному решению стал индивидуальный террор. За время существования, по утверждению Бологовского, было «истреблено больше 700 человек крупных и мелких большевиков», из которых самым видным был С. Г. Рошаль, известный участник революционных событий и разложения фронта: забрав из-под румынского ареста, офицеры пристрелили его на шоссе в декабре 1917 года.

* * *

Теперь, когда Дроздовским была проделана первая, самая трудная организационная работа, Штаб фронта наконец решил подключиться к ней и захватить руководство. Генерал Щербачев 24 января отдал приказ о формировании Отдельного Корпуса Русских Добровольцев в составе Штаба и трех бригад. Командиром Корпуса назначался командующий IX-й армией генерал А. К. Келчевский, а начальником Штаба – генерал А. Н. Алексеев; истинный же организатор добровольчества на Румынском фронте, Дроздовский, оттеснялся с первой роли, став лишь командиром 1-й Скинтейской бригады. Началось развертывание 2-й Кишиневской бригады, которую последовательно возглавляли генералы Асташов и Белозор. Создание 3-й бригады планировалось в городке Болграде.

Масштабы организации росли. На основе обязательства для вновь поступающих, составленного Дроздовским и Войналовичем, появился следующий текст подписки:

«Я, , поступаю добровольно в Национальный Корпус Русских Добровольцев, имеющий целью воссоздание порядка и организацию кадров по воссозданию Русской Армии, причем за все время пребывания в Корпусе обязуюсь:

1. Интересы Родины ставить превыше всех других, как то: семейных, родственных, имущественных и прочих. Поэтому защищать с оружием в руках, не жалея жизни, Родину, жителей ее, без различия классов и партий, и их имущество от всякого на них посягательства.

2. Не допускать разгрома и расхищения каких бы то ни было складов.

3. Всюду стоять на страже порядка, действуя против нарушителей всеми способами, до применения оружия включительно.

4. Быть внепартийным, не вносить и не допускать в свои ряды никакой партийной розни, политических страстей, агитации и т. д.

5. Признавать единую волю поставленных надо мною начальников и всецело повиноваться их приказаниям, не подвергая их обсуждению.

6. Всюду строго соблюдать правила дисциплины, подавая собою пример окружающим.

7. Безропотно и честно исполнять все обязанности службы, как бы они тяжелы временами ни были.

8. Не роптать, если бы случайно оказался недостаток обуви, одежды, пищи или она оказалась бы не вполне доброкачественной.

9. Также не роптать, если бы оказались неудобства в расквартировании, как то: теснота, грязь, холод и прочее.

10. Не употреблять спиртных напитков и в карты не играть.

11. Без разрешения своих начальников от своей части не отлучаться.

12. В случае неповиновения, дезертирства, восстания, агитации против дисциплины подлежу наказанию по всей строгости законов военного времени».

Но бурная деятельность Штаба Корпуса, разросшегося (Штаб, а не Корпус) до невероятных размеров, мало способствовала увеличению притока добровольцев. Бюрократизировав работу Штаба, Келчевский не делал ничего для популяризации идей и целей формирования. Между тем Дроздовский напрямую, через собственных вербовщиков, продолжал собирать пополнения, доведя к февралю численность своей бригады до 500 человек.

На совещании в Штабе Корпуса выяснилось, что из пяти тысяч записавшихся – три тысячи оказались на штабных должностях, а полторы тысячи, приходившихся на долю Кишиневской бригады, преимущественно были «мертвыми душами». Это внушило Келчевскому мысль о невозможности похода. Дроздовский вспылал и резко заявил, что он «с каким угодно числом решительных людей пойдет на Дон к генералу Корнилову и доведет их». Чины Штаба сочли Михаила Гордеевича «авантюристом и маньяком» и начали всячески ему препятствовать. Появился приказ о недействительности подписки; Корпус упразднился; 2-я Кишиневская бригада уже расформировывалась. Часть добровольцев рассеялась.

* * *

Не подчинившись решению Управления по формированию добровольческих частей, Дроздовский не только не распустил свою бригаду, но и продолжал вербовку в нее частным порядком. Добровольцы, решившие присоединиться к нему и размещавшиеся ранее на станции Соколы в двух верстах от Ясс, с этого времени перебрасывались в Скинтею. Им удалось занять лишь несколько летних, холодных и темных барачков; спали офицеры на нарах, днем выполняли все хозяйственные работы, включая заготовку дров и уход за лошадьми. Одновременно шли усиленные строевые занятия. Как отмечал один из добровольцев Дроздовского, нелегкая доля «не понизила духа, но, наоборот, только сильнее сплотила собравшихся. Трудную непривычную школу пришлось пройти офицерам...» Дроздовский ввел строгий распорядок, желая еще до похода проверить и закалить выносливость и дисциплину добровольцев, крайне необходимые в совершенно новых условиях существования отряда, бывшего почти исключительно офицерским. «Не гонюсь за числом, нужны только мужественные, твердые, энергичные, нытикам не место», – писал он.

Теперь, когда прекратились даже незначительные субсидии извне, бригада была вынуждена сама заботиться обо всем необходимом. Вооружение, боеприпасы, продовольствие, фураж добывались набегами на соседние большевизированные части: Дроздовский действовал так же, как Корнилов при обеспечении Добровольческой Армии накануне Первого Кубанского похода. В итоге к 20 февраля в бригаде оказалось много легкой и тяжелой артиллерии, пулеметов, 15 бронемашин, радиостанция, легковые и грузовые автомобили и иное имущество в количестве, соответствующем соединению в десятки раз большей численности, чем было у Дроздовского. При уходе из Скинтеи излишки были приведены в негодность и брошены.

К 22 февраля части Дроздовского вновь переместились в Соколы, так как стало известно о готовящемся заключении Румынией сепаратного мира с Центральными Державами, причем одним из условий со стороны немцев бы-

Полковник М.Г. Дроздовский

ло разоружение русских добровольцев. Дроздовский, еще за несколько дней до этого решивший в таком случае прорываться на восток, лихорадочно готовился к выступлению. Румыны, на словах соглашаясь пропустить его, саботировали выдачу имущества и задерживали эшелоны; Щербачев, получивший от союзников 7 миллионов франков, согласился выделить полтора, а на деле выплачено оказалось лишь 600 тысяч. Для пополнения кассы Дроздовский решил продавать часть снаряжения и техники. Установив денежное содержание в 200 рублей в месяц офицерам и от 25 до 100 рублей солдатам, он не считал возможным нарушать свои обязательства.

Издерганный множеством осложнений и препятствий, простуженный и терзаемый жестокой бессонницей, Михаил Гордеевич умудрялся всюду поспевать. Он призывал, воодушевлял, приказывал, советовался, добивался, часто срываясь на крик, ругаясь своим глуховатым, осипшим голосом. В его дневнике появляется запись: «Агитация против похода изводит, со всех сторон каркают представители генеральских и штаб-офицерских чинов, вносят раскол в офицерскую массу. Голос малодушия страшен, как яд. На душе мрачно, колебания и сомнения грызут, и на мне отразилось это вечное нытье. А все же тяжелые обстоятельства не застанут врасплох. Чем больше сомнений, тем смелее вперед по дороге долга... Только неодолимая сила должна ос-

танавливать, но не ожидание встречи с ней». Последние слова точно характеризуют все последующие действия Дроздовцев, став их боевым принципом.

Уделялось внимание и идейному сплочению добровольцев. Еще в конце 1917 года Дроздовский заявил помощникам: «Сейчас я за республику, но... в душе я все-таки монархист». Те поддержали его, а Бологовской предложил начать вербовку внутри отряда в тайную монархическую организацию. Завербованным чинам выдавались особые карточки трех степеней. Большинство получило карточки с одной полосой, двенадцать крупных чинов – с двумя, и лишь у Дроздовского и самого Бологовского имелась высшая степень с тремя полосами. «Процент имеющих карточки в отряде за все время... был очень высок и колебался около 90%», – вспоминал Бологовской. Сплотив единомышленников, Дроздовский получил двойную власть над ними и мог рассчитывать на неограниченную преданность.

С 23 февраля румынские войска начали окружать добровольцев. Дроздовский выставил сторожевые охранения, выдвинул на боевые позиции пулеметы и артиллерию, заняв на всякий случай круговую оборону и взяв на прицел дворец «молдавского парламента», а сам выехал в Штаб Румынского фронта, чтобы в ультимативной форме сделать последнюю попытку получить пропуск на свободный проход с оружием. При возможном нападении он приказал контратаковать и идти на прорыв; подчиненные единодушно поддержали его. Прошла тревожная ночь. Около 10 часов утра наконец появился автомобиль Дроздовского. Все свободные от нарядов офицеры толпой кинулись навстречу, и им мгновенно бросилось в глаза, что лицо обычно хмурого и озабоченного командира сияет радостной улыбкой, а в руке развевается листок бумаги. Долгожданный пропуск был получен, румыны отошли, и началась лихорадочная погрузка в выделенные эшелоны.

* * *

Утро 26 февраля стало началом знаменитого позднее похода «Яссы – Дон», который вначале казался просто движением в неизвестность. Позади оставались дома и семьи, а у многих офицеров – дымящиеся пепелища и свежие могилы. Вопреки распространенному мнению, был семейным человеком и сам Дроздовский – еще до войны он женился на потомственной дворянке Ольге Владимировне Евдокимовой, Православного вероисповедания. Более он с ней уже не увиделся.

Эшелоны двинулись на Кишинев. На станции Перлица румынский начальник пытался, угрожая силой, отобрать паровоз головного состава, но сила натолкнулась на силу, и румыны тотчас, извинившись, отступили. В Кишиневе из полутора тысяч записавшихся во 2-ю бригаду к Дроздовцам присоединилась одна офицерская рота численностью до 100 штыков. К 4 марта Отряд, уже походным порядком, достиг Дубоссар и занял их. Здесь Дроздовский решил реорганизовать и упорядочить наличные силы. Отряд принял следующий вид:

- Штаб Отряда;
- Сводно-Стрелковый полк в составе трех стрелковых и одной пулеметной рот и хозяйственной части, под командованием генерал-майора В. Семенова – 487 штыков;
- Конный дивизион (штаб-ротмистр Гаевский) – 102 сабли;
- батареи: конно-горная (капитан Колзаков), легкая (полковник Ползиков) и мортирный взвод (полковник Медведев, капитан Михайлов);
- команда связи (полковник Гран);
- конная и автомобильная радиотелеграфные станции;

Полковник М.А. Жебряк

- автоколонна (капитан Лисицкий);
- бронеколонна;
- команда разведчиков особого назначения – 15 сабель;
- полевой лазарет;
- интендантство.

Численность Отряда достигла 1 050 человек (свыше 700 добровольцев и около 300 пленных-«илотов»⁴⁹ в обозе), в том числе более $\frac{2}{3}$ офицеров. В строю было всего шесть штаб-офицерских чинов, основную массу составляла военная молодежь – «бедняки-офицеры, романтические штабс-капитаны и поручики». «В наш поход Дроздовский вышел с одним вещевым мешком, и нам было приказано не брать с собой никаких чемоданов», – вспоминали они.

Строгими дисциплинарными мерами Дроздовский быстро пресек имевшие место «пьянство офицеров, попытки насилий, самочинные аресты, сепаратические течения», расценив их как недопустимую «непривычку, вернее, отвычку повиноваться». Через несколько дней пришло сообщение от австрийских оккупационных властей (войска Центральных Держав продвигались вперед, почти не встречая сопротивления) о ранении ими двух большевиков, грабивших жителей и первыми обстрелявших их; к негодованию командира, «большевиками» оказались кавалеристы Отряда, проводившие реквизицию. Дроздовский устроил Конному дивизиону грандиозный разнос, грозил судом и требовал прекратить безобразия. «Эта буйная публика может только погубить дело», – раздраженно записал он в дневнике, беспокоясь, что население, пока встречавшее Отряд нейтрально, может отвернуться от него и даже обратиться за помощью к оккупантам. Впрочем, окончательно порядок был установлен лишь после расстрела за грабеж подпоручика И. Зорича. С тех пор насилия больше не повторялись.

Дроздовского удручала шедшая впереди его войск слава какого-то карательного отряда. Она усиленно раздувалась большевиками, стремившимися не допустить присоединения Отряда к Добровольческой Армии и восстановить против Дроздовцев большинство населения. Как сообщали разведчики, крестьяне рассказывали о них примерно так: «Идут – видимо-невидимо, и все князья и графья, кричат "гады" и бьют всем морды» («гады» – любимое словечко штабс-капитана А. В. Туркула, у которого совсем недавно матросы растерзали родного брата...). Для действенного раз-убеждения приходилось не только удерживать подчиненных от эксцессов, но и защищать местных жителей от произвола даже не столько красногвардейцев, сколько откровенно бандитских шаек. Возмездие за убийства и грабежи Дроздовский осуществлял решительно и беспощадно – активные большевики и особенно матросы расстреливались, а гражданские лица, чье участие в насилиях было доказано, подвергались порке шомполами при участии своих же соседей. Дома местных большевиков сжигались.

«Нет-нет да и сожмет тоской сердце, – признавался Михаил Гордеевич в дневниковых записях, – инстинкт культуры борется с мщением врагу, но разум, ясный и логичный разум, торжествуй над несознательным движением сердца!»; «В этой беспощадной борьбе за жизнь я стану вровень с этим страшным звериным законом – с волками жить...»; «Жребий брошен, и в этом пути пойдем бесстрастно и упорно к заветной цели через потоки чужой и своей крови».

При всем остром драматизме событий, вообще происходивших тогда в России, нельзя не отметить, что Дроздовский предстает одним из самых опасных противников большевизма, ибо отчетливее многих других вождей и военачальников Белого движения он осознал жестокую логику Гражданской вой-

ны как борьбы на истребление врага, — и не только осознал, но и принял ее как единственно возможную для победы.

Одновременно он стремился не только побеждать и завоевывать, но и восстанавливать хотя бы элементарный порядок, возвращая людям мирную жизнь, свободную от ужаса междоусобицы. Несмотря на присущую ему неприязнь к евреям, Дроздовский старался предотвращать погромы, чем завоевал благодарность в проходимых местечках. Когда однажды жители, привыкшие к захватам и заранее подготовившиеся откупаться, неожиданно получили плату за доставленный интенданту Отряда хлеб, удивлению не было границ. Даже антибольшевицкие меры применялись лишь при наличии враждебных действий против Отряда или насилий над населением, все чаще обращавшимся к Дроздовцам за защитой. Так, в Новом Буге активно боровшийся с бандитами комитет во главе с прапорщиком-большевиком не только был сохранен, но и получил поддержку оружием.

* * *

Постоянной головной болью для Дроздовского на протяжении всего похода стала проблема взаимоотношений с австро-германскими оккупантами, в соответствии с условиями Брестского мира продвигавшимися почти одновременно с Отрядом по Новороссии на восток. Несмотря на заявления немцев о полном нейтралитете и даже неоднократно имевшие место выказывания воинского уважения (отдание чести Добровольцам и пресечение враждебных выходов украинцев-«самостийников»), осторожный Дроздовский старался как можно меньше соприкасаться с ними. Он отлично понимал, что такая позиция недавних противников проистекает только от их «полной уверенности, что мы не преследуем широких целей или что выполнение их невозможно». Основываясь на этом, Михаил Гордеевич несколько раз во время вынужденных встреч и переговоров, усыпляя бдительность германцев, упоминал о своем намерении идти в Великороссию и даже на Москву, а в приказах нередко указывались ложные маршруты движения и пункты назначения.

Дроздовскому нередко старались приписать германофильство, но это не соответствует действительности. Центральные Державы оставались для него врагами наравне с большевиками и украинскими сепаратистами. На него, по собственному признанию, «подействовало ужасно» полученное сообщение о крупном успехе немцев на Западном фронте. Впрочем, и сторонником Антанты Дроздовский оставался лишь потому, что надеялся на ее поддержку как на средство достижения собственной цели. Офицеры Отряда полностью поддерживали своего командира и столь нервно и тяжело реагировали на вынужденный мир со вчерашним противником, что постоянно висела угроза спонтанных столкновений. Поэтому непосредственных контактов приходилось избегать.

«Германский фактор» заставлял еще строже бороться с остатками разнузданности внутри Отряда. Дроздовский не мог забыть позора, когда грабивших добровольцев приняли за большевиков, а население просило защиты у австрийцев. Избавителями от кошмара безвластия и произвола, считал он, могли и должны были стать только русские солдаты и офицеры, чтобы на их фоне приход иноземцев производил на местных жителей тягостное впечатление. Завоевания симпатий и поддержки народа Дроздовский искал не в отвлеченной агитации, а в конкретных действиях, бывших красноречивее лозунгов и призывов. Тем самым он проявил стремление и способность не отделять военные мероприятия от политических последствий, понимая их неразрывность. И все же командир Отряда оставался прежде всего офицером, а не политиком.

Удивительной спайки своих подчиненных, бывшей одним из главных залогов успеха, Дроздовский достигал двумя путями. Во-первых, беспощадно изгонялись те немногие, кто выказывал трусость, слабость или недовольство – вроде подпоручика Попова, покинувшего в опасности подпоручика князя Шаховского. Во-вторых, пресекались ссоры между товарищами, для решения же конфликтов, затрагивавших честь и достоинство, Дроздовский лично способствовал легализации дуэлей. И, конечно, он не терпел никаких претензий отдельных частей на особое положение в Отряде. Такая попытка была предпринята вначале полковником М. А. Жебраком-Русакевичем, командиром роты добровольцев, собранной им в Измаиле из чинов Балтийской дивизии и приведенной на соединение с Дроздовским. После неоднократных неудачных переговоров, в которых Жебрак старался добиться признания своей самостоятельности в командном отношении, под влиянием непреклонности командира Отряда и собственной малочисленности (71 штук), присоединение состоялось на условиях полного подчинения. Возможно, амбиции измайльцев основывались на том, что они имели знамя, какового у Отряда не было. Впоследствии все было забыто, а Жебрак принял 2-й Офицерский полк.

Отряд был не только создан, но и выпестован благодаря выдающимся лидерским качествам самого Дроздовского, сумевшего внушить подчиненным глубокое уважение к себе. Он сразу стал непререкаемым авторитетом, а вскоре – и кумиром для них, не ища популярности дешевыми эффектами, будучи одновременно близким и недостижимым. Он мог заснуть на простой обозной подводе рядом с другими офицерами или на ночевке уступить кому-нибудь единственную в хате кровать. Но при этом ни у кого не могло возникнуть и мысли о фамильярности с командиром ни в служебном, ни в личном отношении. И вера в него на фоне крушения всех прежних устоев и традиций становилась поистине монументальной – происходила поэтизация образа Вождя. «Полковник Дроздовский был типом воина-аскета: он не пил, не курил и не обращал внимания на блага жизни; всегда – от Ясс до самой смерти – в одном и том же поношенном френче, с потертой георгиевской ленточкой в петлице; он из скромности не носил самого ордена. Всегда занятой, всегда в движении. Трудно было понять, когда он находил время даже есть и спать... В походе верхом, с пехотной винтовкой за плечами, он так напоминал средневекового монаха Петра Амьенского, ведшего крестоносцев освобождать Гроб Господень...» – вспоминали о нем. Даже внешне Михаил Гордеевич весьма импонировал офицерам: «Высокого роста, с резко очерченными чертами лица, с орлиным взглядом» (пусть и сквозь «интеллигентское» пенсне), «он сразу производил сильное впечатление...»

Дроздовский был подлинным вождем, способным не только увлечь за собой, но и достигнуть поставленной цели. Вопреки собственным довольно мрачным предчувствиям, он смог провести Отряд через 1200 верст неизвестности и опасностей. В этом в равной мере сказались и дерзкая решительность, и мужество, и несомненный тактический талант, и политико-дипломатические способности. Удачное преодоление серьезных водных преград – Южного Буга и Днепра – и отсутствие на протяжении всего похода сколько-нибудь серьезных боевых столкновений были следствием умелого, иногда противоречившего мнению всего Штаба, руководства Дроздовского. В итоге потери оказались совершенно ничтожными; в то же время Отряд пополнился более чем двумястами добровольцами (не считая многочисленных казаков, вошедших

16 апреля в Донскую сотню есаула Фролова). Из упоминавшихся пленных – около 300 человек – почти все в Мелитополе были вооружены и поставлены в строй новой 4-й роты, как хорошо зарекомендовавшие себя в походе; некоторые из них в дальнейшем заслужили и офицерские погоны.

Оснащение и пополнение военным имуществом производилось из обширных складов, попадавшихся по пути следования. В Мелитополе было пошито новое обмундирование. Варшавский арсенал, эвакуированный во время Великой войны в Бердянск, позволил пополниться снарядами и авиационным оборудованием. В Мариуполе кавалерия обновила конский состав. В Таганроге, где уже находились немцы, Добровольцы попросту захватили боеприпасы, автомобили и аэропланы, сформировав авиационный отряд.

Само движение походным порядком закаливало выносливость и волю, отсеивая редкий нестойкий элемент (Отряд покинуло всего 12 офицеров) и принося те «лишения», которые Наполеон считал «школой хорошего солдата». Во время перехода до Бердянска добровольцы чисто по-суворовски покрыли 109 верст менее чем за сутки. У Отряда был даже собственный маленький «ледяной» переход, по странной и знаменательной случайности совпавший день в день (17 марта 1918 года) с тем эпизодом истории Добровольческой Армии, который дал второе название ее Первому Кубанскому походу. Это произошло, когда колонна Дроздовского вышла из Александровки. Холодный ветер «гнал тонкую снежную пыль, резал лицо; коченели руки, отмораживались уши, лед нависал на усах и бороде, на ресницах и бровях... Дорогу плохо видно. Снег слепит чем дальше, тем больше...» Даже самые стойкие офицеры отдыхали, садясь на подводы. Вспоминает один из них: «Из тумана на нашу подводу нашло высокое привидение. Это был Дроздовский верхом, в своей легкой солдатской шинелишке, побелевшей от снега. Его окутанный паром конь чихал. Видно было, как устал Дроздовский, как он прозяб, но для примера он все же оставался в седле. Мы предложили ему немного обогреться у нас под буркой. Неожиданно (! – Р. А.) Дроздовский согласился... Так он проспал часа четыре, а когда пробудился, был очень смущен, что заснул на подводе...»

* * *

Конечной целью похода было соединение с Добровольческой Армией. Уже 21 марта Дроздовский направил ротмистра Бологовского и поручика Кудряшева для выяснения обстановки на Дону и Кубани и дальнейшей координации маршрута. Посланцы пробирались тайно и столь старательно скрывали свои истинные намерения, что в одном из сел чуть не были убиты крестьянами по обвинению в большевизме (!). А 1 апреля Кудряшев возвратился с полдороги и принес запоздалую, но от этого не менее тревожную весть об уходе Добровольцев из Ростова и Новочеркасска. 13 апреля Бологовской получил и передал известие о гибели Корнилова, сообщив в то же время и о продолжении борьбы. Чтобы не снизить боевой дух Отряда, Дроздовский оповестил о смерти Корнилова только начальников частей.

«Мое переживание: пройдя уже более половины пути, потерять точку стремления! И все же бороться до конца...» – отмечает он в дневнике, решив сохранить Отряд во что бы то ни стало. Конечно, здесь играло свою роль и его отношение к Добровольческому командованию. Несмотря на то, что в вербовке добровольцев на Румынском фронте играли свою роль представители Алексеевской организации и Московского Центра, Дроздовский относился с глубочайшим уважением и преклонением только к Лавру Георгиевичу Кор-

Бронепоезд Добровольческой армии «Иоанн Калита», 1919 год

нилову, которого называл «человек-легенда». Чувствуя родство двух сильных характеров – своего и корниловского, – он вовсе не распространял свое отношение на окружение Лавра Георгиевича, не раз упоминая М. В. Алексева, А. И. Деникина, И. Г. Эрдели, что называется, скопом, как бы подчеркивая их равнозначность между собой и второстепенность рядом с Корниловым. Отсюда и слова о потере цели: Дроздовский был готов бороться, но не видел теперь настоящего вождя.

Между тем поход близился к завершению. Для чинов Отряда он вскоре превратится в воспоминание, безусловно поэтизируясь и мифологизируясь, и станет первой вехой доблестного и кровавого, жестокого и самоотверженного пути Дроздовцев...

«Стройно, блестя на солнце штыками, шла какая-то военная часть, с необыкновенными солдатами и офицерами. Можно было смело поверить, что маленький воинский отряд, безусловно, ведет куда-то и совсем необыкновенный командир. Все, все было необыкновенно в этом маленьком отряде, начиная с одежды и кончая строгой дисциплиной, царившей в нем. Великолепно пригнанное обмундирование – новые защитные гимнастерки, добротные сапоги. И что еще удивительнее – погоны на плечах.

Звучит, несется солдатская песня. Поет радостно весенняя зеленая степь.

Куда-то вперед помчались по дороге разведчики отряда – мотоциклисты, и видение растаяло в степи.

Сон? Волшебство зелено-дымной степи? Такого не было.

Вот и разгадка. Гремят выстрелы под большим городом... Рвутся снаряды над громадным вокзалом... Белые облачка разрывов над перекинутым через большую реку мостом... Еще немного – и смолкло все.

Освобождение. Воскресение. Весеннее в природе. Весеннее в душах и сердцах людей... Весна, радость, жизнь... Счастливые улыбки. Слезы радости вновь обретенного счастья...

А необыкновенные солдаты и офицеры необыкновенного отряда в этот момент – горды и так же, как освобожденные, счастливы. Им – цветы, благодарности, улыбки... В душах и сердцах в этот момент бьется одно, оно поет, громко и трепетно звучит: ОСВОБОЖДЕНИЕ!..

Начало его... Вот один большой город... А потом – дальше!.. Вся Россия? Возможно?! И звучит в душе ответ: смелым и дерзким – возможно. Трудно?.. Да, будет трудно. Будет тяжело, кровь, жертвы, гибель многих, муки...

Чудо, рожденное в зелено-дымной степи, – маленький отряд полковника Дроздовского...»

Так сохранили в памяти уже на закате дней свой первый поход и образ командира последние ветераны-Дроздовцы в 1970-е годы. Но, помимо понятного стремления к идеализации, они верно передали главное чувство того далекого времени: первые добровольцы шли спасать Россию, не стремясь к «политической реакции», ощущая себя именно спасителями – честными и бескорыстными...

* * *

В самом конце своего движения Отряд натолкнулся на непривычно сильное сопротивление. В Ростове-на-Дону и вокруг него были сосредоточены силы большевиков, в 25 раз превосходившие количество Добровольцев (стало известно это только позднее). Дроздовский впервые собрал военный совет, на котором все командиры высказались за штурм города, бывшего последней преградой перед соединением с Добровольческой Армией. Все буквально рвались в бой, и лишь сам командир был настроен сдержанно, понимая, что Отряду предстоит испытание гораздо более серьезное, чем прежние походные стычки.

В 10 часов вечера 21 апреля добровольцы начали наступление. Под командованием полковника Войналовича 1-й эскадрон штаб-ротмистра Аникеева быстро занял вокзал; едва ли не единственной потерей стал сам начальник Штаба Отряда, застреленный в упор каким-то красноармейцем. Тогда же 2-й эскадрон штаб-ротмистра Двойченко захватил станцию Ростов-Товарная и выслал связь на вокзал. Правда, кавалерия была вскоре вытеснена за Темерник (предместье Ростова), но в полночь основные силы белых выбили противника на левый берег Дона. Чины Отряда прямо из боя попали на празднование Пасхи: «Нам нанесли в узелках куличей и пасок... – рассказывает один из них. – Обдавая весенним свежим воздухом, с нами христосовались. Все говорили тихо. В мерцании свечей все это было как сон. Тут же, на вокзале, к нам записывались добровольцы, и рота наша росла с каждой минутой». Офицеры были тронуты и воодушевлены столь искренней встречей.

Но к рассвету усиленный подкреплениями из Новочеркасска противник при поддержке двух бронепоездов контратаковал город. Дроздовский, сам возглавив кавалерию (под ногами его лошади разорвался снаряд легкого оружия, но вреда полковнику не причинил), пытался ударить в обход. Это оказалось невозможным ввиду многочисленности и непривычной для добровольцев организованности красных, наступавших правильными цепями с умелым маневрированием. Командир Сводно-Стрелкового полка генерал Семенов проявил трусость, укрывшись в ямах возле кирпичного завода. Из-за этого не был вовремя выполнен приказ об отводе пехоты, и ротам пришлось бук-

важно прорываться из окружения; часть убитых и даже раненых оказалась брошена. Только благодаря самоотверженности артиллеристов и кавалерии, во главе с самим Дроздовским прикрывавшей отход, стрелки спаслись от разгрома. Потери оказались весьма значительными, достигая, по разным оценкам, 90–100 человек. Генерал Семенов был с позором изгнан из Отряда, а его должность занял полковник Жебрак. Дроздовский был крайне подавлен, «плакал и говорил, что он по своей вине погубил отряд».

«Во время похода, вернее под конец его, в бою под Ростовом, когда наш отряд, отвлекая от Новочеркаска большевицкие силы, понес тяжкие потери в неравной борьбе, его с превеликими трудностями удалось оттянуть в деревню Мокрый-Чалтырь, – вспоминал почти два десятилетия спустя генерал Н. Д. Неволовский. – Остановились мы в армянской избе. И тут, оставшись вдвоем со мной, полковник Дроздовский – этот сильный духом человек – опустил голову, и слезы потекли из его глаз...

...Слезы Дроздовского выражали силу той любви, которую он питал к своим соратникам, оплакивая смерть каждого из них. Но Ростовский бой, где мы потеряли до 100 человек, отразился на его психологии: он перестал быть суровым начальником и стал отцом-командиром в лучшем смысле этого слова. Проявляя лично презрение к смерти, он жалел и берег своих людей. И кончил, играя сам со смертью, впоследствии тяжелым ранением, стоившим ему жизни...»

В Мокром Чалтыре Отряд нашли гонцы от восставших донских казаков, просившие помощи. Дроздовский мгновенно выступил на Новочеркасск и подошел к донской столице в самый критический момент, когда восставшие были почти разбиты. После первой же атаки красные в панике бежали, но уйти удалось немногим. 25 апреля 1918 года стало датой окончания похода «Яссы – Дон».

* * *

Победа, одержанная на Дону, позволила Дроздовскому дать своим подчиненным возможность хорошо отдохнуть, одновременно совершенствуя их боевую выучку и дисциплину. В этом его требовательность совпала с характером полковника Жебрака, который тоже «вызвал к себе общее уважение. В офицерской роте было до двадцати георгиевских кавалеров, все перераненные, закаленные в огне большой войны; рядовыми у нас были и бывшие командиры батальонов, но Жебрак ввел для всех железную дисциплину юнкерского училища или учебной команды, – вспоминал ротный командир. – В этом он был непреклонен. Он издавал нас заново... И он умел так себя поставить, что даже старшие офицеры не решались спрашивать у него разрешения закурить. Все воинское он доводил до совершенства. Это была действительно школа». Шли строевые занятия, тактические учения, стрелковая подготовка, изучение уставов. Строго проверялся внешний вид, не говоря уже о чистоте оружия. Некоторые подразделения Отряда участвовали в операциях по освобождению Области Войска Донского от остатков красных войск, вскоре вернувшись к своим основным силам.

Добровольцы с радостью ощущали себя освободителями. Это подтверждалось и высоким энтузиазмом местных жителей, за две недели так пополнивших Сводно-Стрелковый полк, что он смог развернуться в трехбатальонный состав, по 800 штыков в каждом. Общее число чинов Отряда перевалило за три тысячи. Отряд энергично совершенствовал свое материально-техническое оснащение, создавая «так называемую тыловую базу... Большинство это-

го имущества было, между прочим, выкрадено из различных складов, захваченных немцами в Ростове и ими охраняемых», — не без гордости подчеркивали Добровольцы.

И, конечно, пользуясь отдыхом после трудного похода и боев, многие «ловили счастливые мгновения». В Новочеркасске женились более полусотни офицеров. Добровольцы были размещены на постой в пустующих этажах Института благородных девиц, однако не произошло ни единого случая, запятого бы Дроздовцев; в равной мере сыграли роль и их личная порядочность, и старания Дроздовского и Жебрака.

В начале мая на Кадетской площади состоялся парад в честь избранного Донским Атаманом генерала П. Н. Краснова. Идеальное состояние Отряда произвело на него сильное впечатление, и он предложил добровольцам войти в состав формировавшейся Донской Армии на правах пешей гвардии: несомненно, Краснов ощущал острую потребность в отсутствовавших тогда на Дону подлинно регулярных войсках. Дроздовский поблагодарил, но, не считая возможным идти вместе с Донцами на сотрудничество с немцами, — да и не стремясь подчиниться Атаману, — отказался.

Тогда же возникли слухи и о нежелании Михаила Гордеевича присоединяться к Деникину. Учитывая быстрый рост Отряда (почти равного всей Добровольческой Армии накануне Ледяного похода) и уже отмеченное полное отсутствие пиетета к новому командованию Армии, это вполне могло соответствовать действительности. Дроздовский был и способен, и готов претендовать на самостоятельную военно-политическую роль. Однако абсолютное большинство офицеров Отряда, желавших соединения с Деникиным, попросило Жебрака переговорить с командиром, дабы тот опроверг слухи. В сочетании с неприятием красновского германофильства это заставило Дроздовского выехать в станицу Мечетинскую, где располагались вернувшиеся с Кубани первопоходники.

Архивные документы позволяют заметить некоторую амбициозность в обосновании необходимости соединения: «Но обстановка у Добровольческой армии требовала подкрепления ее силы и дать возможность некоторого отдыха измученным, обескровленным жестокими боями славным частям, легендарным героям, участникам I[-го] Кубанского похода». Мессианское восприятие своего появления проглядывало слишком ярко. Вскоре в рапорте Деникину Дроздовский отмечал: «Считая преступным разъединять силы, направленные к одной цели, не преследуя никаких личных интересов и чуждый мелочного самолюбия, думая исключительно о пользе России и вполне доверяя Вам как вождю, я категорически отказался войти в какую бы то ни было комбинацию...» Зная себе цену, он завуалированно подчеркивал свои заслуги и особенно то, что мог и не отказаться... С другой стороны, значение прихода Дроздовского действительно было бы трудно преувеличить, и это прекрасно понимало командование Добровольческой Армии. И совсем не случайно генерал М. В. Алексеев лично вышел навстречу Отряду и в высоких выражениях поблагодарил «рыцарей духа», «вливших в нас новые силы», а потом принял их церемониальный марш, оставаясь с непокрытой головой.

В то же время почти с первых минут переговоров в Мечетинской Дроздовский почувствовал сильное недоброжелательство со стороны начальника Штаба Добровольческой Армии генерала И. П. Романовского. Позднее Дроздовцы говорили о зависти, соперничестве и желании «уничтожить нас как самостоятельный отряд, стереть наши индивидуальные черты и обезличить», якобы присущих Романовскому. Поэтому единственным условием вхожде-

ния Отряда в Добровольческую Армию стала гарантия несменяемости Дроздовского как начальника ее 3-й бригады и затем дивизии. Безусловно, и без сильной (и взаимной) личной неприязни начальника Штаба энергичный Дроздовский во главе лично преданных ему частей стоял в Армии особняком, явно внушая сомнения в своей готовности беспрекословно подчиняться. Надо отдать должное и чутью Романовского, первым увидевшего то, что лишь недавно начали признавать историки: «Дроздовский мог со временем обрести в Добровольческой армии политическую и, можно сказать, “идеологическую” значимость “вождя-преемника” генерала Корнилова». Романовский же, принадлежа к «окружению» Деникина, относился к новым претендентам на лидерство со вполне понятной ревностью.

«Добровольцы, участники Кубанского похода, смотрели на нас с откровенным удивлением, пожалуй, даже с недоверием: откуда-де такие явились, щеголи, по-юнкерски печатают шаг, одеты, как один, в защитный цвет, в ладных гимнастерках, хорошие сапоги. Сами участники Кубанского похода были одеты, надо сказать, весьма пестро, что называется, по-партизански...» – вспоминали Дроздовцы. Собственное превосходство они подчеркивали не только внешним видом, но и дисциплинированностью, подтянутостью и выучкой. В первом же бою у хутора Грязнушкин полковник Жебрак демонстративно заменил предназначенную для удара казачью бригаду 2-й офицерской ротой штабс-капитана Туркула: в доблести Дроздовцы тоже стремились быть первыми.

Если Деникин и его окружение, полностью признавая авторитет Алексеева, придерживались в политическом плане все же более либеральной, «непредрешенческой» ориентации, то Дроздовский оставался последовательным монархистом (хотя последнего Государя вряд ли идеализировал). Его подчиненные почти не скрывали: «Наш отряд представляет из себя политическую организацию монархического направления...»; он «входит в армию Алексеева, но политическая организация остается самостоятельной...» В первые же дни пребывания на Дону были сделаны попытки распространить свои условные карточки и влияние в Корниловском и Офицерском полках, но вербовщика мгновенно арестовали, не без участия Романовского нелепо обвинили в большевицкой агитации и едва не расстреляли. Попытки сепаратных сношений с киевской монархической группой В. В. Шульгина последний решительно отверг, не желая раскола в рядах Добровольческой Армии. Когда же генерал С. Л. Марков на военном совете резко отозвался о действиях в Армии монархистов, Дроздовский моментально вспылил: «Вы недооцениваете нашей силы и значения...» Это неприятно поразило Деникина явным внесением в движение политических страстей и опасной самостоятельностью Дроздовского.

* * *

9 июня 1918 года начался Второй Кубанский поход. 3-я бригада Дроздовского, развернутая в дивизию того же номера, составила одну из двух ударных колонн Армии (за исключением части 2-го Конного полка – бывшего дивизиона Гаевского, – которая оставалась на Дону). Дивизия двигалась вдоль железной дороги Батайск – Торговая, по пути в жарких коротких стычках очищая район от небольших отрядов противника и мелких банд, не имевших ярко выраженной «политической» окраски. На рассвете 12 июня после ночного перехода Дроздовский развернул войска западнее станции Торговой и повел методичное наступление. Завязалась перестрелка, причем орудие полковника В. А. Протасовича открыло огонь картечью с расстояния в 150 ша-

А.И. Деникин с американским офицером

гов; почти все артиллеристы были ранены, но из боя не вышли. Начало атаки затягивалось.

Неожиданное появление конной группы во главе с самим Командующим Армией воодушевило офицеров. Отчаянной атакой вброд через реку Егорлык под сильным огнем был взят хутор Шавлиев, что позволило переправиться и всей дивизии. Развернувшись против Торговой, она встретила сильный отпор и стала перестраиваться. Дроздовский медлил, ожидая удара 2-й дивизии с другого фланга и желая бить наверняка. Подбадривая подчиненных, он «пошел во весь рост по цепи моей роты, – рассказывал один из соратников Михаила Гордеевича. – По нему загоготали пулеметы красных. Люди, почерневшие от земли, с лицами, залитыми грязью и потом, поднимали из цепи головы и молча провожали Дроздовского глазами. Потом стали кричать. Дроздовского просили уйти. Он шел, как будто не слыша... Я подошел к нему и сказал, что рота просит его уйти из огня... Он был бледен. По впалой щеке струился пот... Без пенсне его глаза стали строгими и огромными: “Чтобы я показал себя перед офицерской ротой трусом? Пусть все пулеметы бьют. Я откуда не уйду”».

В отличие от иных Добровольческих военачальников, Дроздовский никогда не забывал, что под его началом на должности рядовых служат офицеры, и только самый доблестный и мужественный имеет моральное право командовать ими – иначе признания не видать. У него офицеры и в солдатском строю продолжали ощущать себя не просто солдатами, а именно офицерами, – и, может быть, это было причиной того, что в духе их не замечалось «трагического надлома», о котором позднее будет писать В. В. Шульгин.

В 2 часа дня Торговая была взята. Наскоро вооруженные пулеметная дрезина и поезд преследовали отступающих большевиков. Деникин назвал события 12 июня первым крупным успехом Армии, отрезавшей Центральную Россию от житниц Кубани и северокавказской нефти.

* * *

Через бои под Великокняжеской, Николаевской, Песчаноокопской 3-я дивизия вышла к Белой Глине, где была встречена крупными массами советских войск. 23 июня возглавивший ночную атаку 2-го и 3-го батальонов полковник Жебрак был захвачен в плен и умер под страшными пытками (большевики сожгли его заживо); погибли и все девять офицеров Штаба 2-го Офицерского (бывший Сводно-Стрелковый) полка, а общие потери превысили сто человек только убитыми. Но наутро упорным штурмом красные были выбиты и во множестве взяты в плен.

«Вся дивизия горела желанием отомстить за смерть замученного Жебрака, – вспоминает один из Дроздовцев, – а кроме того, в этот день красные в первый раз стреляли разрывными пулями, и это тоже подбавило масла в огонь. На мельницу (куда сводили пленных. – Р. А.) пришел Дроздовский. Он был спокоен, но мрачен. На земле внутри мельницы валялись массы потерянных винтовочных патронов. Там были всякие: и обыкновенные, и разрывные, и бронебойные. Дроздовский ходил между пленными, рассматривая их лица. Время от времени, когда чье-либо лицо ему особенно не нравилось, он поднимал с земли патрон и обращался к кому-нибудь из офицеров. “Вот этого – этим”, – говорил он, подавая патрон и указывая на красного. Красный выводился вон, и его расстреливали. Когда это надоело, то оставшиеся были расстреляны все оптом».

Дроздовскому трудно было отрешиться от этого воспоминания. «Он говорил о Жебраке, о замученных добровольцах, о том, что большевики убивают и мучают в с е х⁵⁰... Мертвенно бледный, дрожащим голосом он вспоминал о “вчерашнем” – весь во власти чувства гнева и печали», – таким запомнился он на следующий день генералу Деникину. Вместо Жебрака полк принял Лейб-Гвардии Кексгольмского полка полковник В. К. Витковский.

Но уже через день по инициативе начдива впервые в Добровольческой Армии сформировали чисто солдатский батальон из пленных. Тем самым доказывалось, что проявляемая жестокость есть ответное возмездие, но не целенаправленная политика. Бывшие красноармейцы уже через пять дней, штурмуя узловую станцию Тихорецкая, опрокинули противника, перекололи сопротивлявшихся и самочинно расстреляли комиссаров. Дроздовский поблагодарил их за лихую атаку и переименовал в 1-й Солдатский полк, который позднее получил знамя и наименование 83-го пехотного Самурского полка Императорской Армии.

* * *

Для овладения Екатеринодаром войска сначала получили передышку в несколько дней и закрепились на занятых территориях. Затем 3-я дивизия совместно с 1-й дивизией генерала Б. И. Казановича двинулась к кубанской столице вдоль Тихорецкой линии железной дороги. К вечеру 14 июля Дроздовский умелым маневром окружил и захватил станцию Динскую в 20 верстах от Екатеринодара, взяв около 600 пленных и богатые трофеи, в том числе 3 орудия. Однако на следующий день крупные силы красных (группа И. Л. Сорокина, превышавшая 25 тысяч человек и имевшая мощную артиллерию) заняли

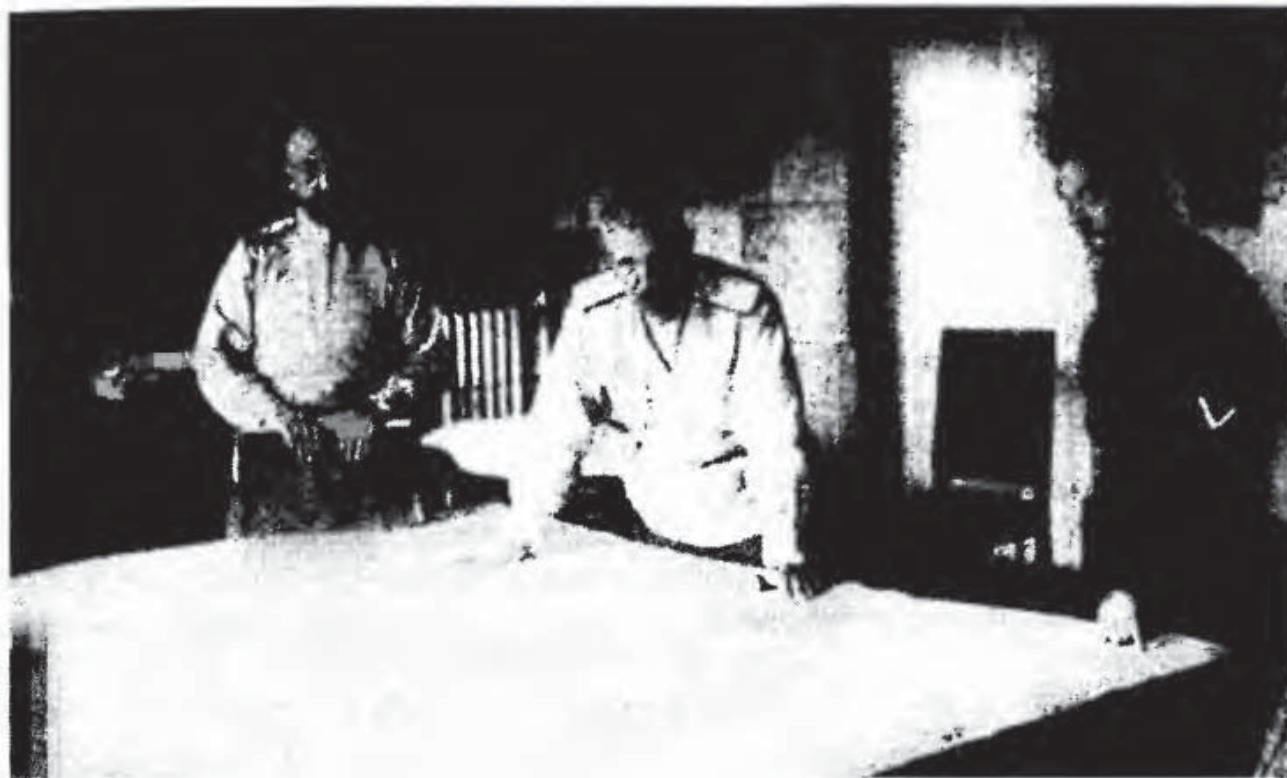
станцию Кореневскую, выйдя в тыл центральной Добровольческой группировке. По взаимному соглашению, понимая опасность быть отрезанными от остальных частей Армии, Казанович и Дроздовский оставили заслон у Динской и выступили на Кореневскую для ликвидации прорыва. Казанович поспешил, и Добровольцы вступили в бой разрозненно; многократные атаки захлебнулись, обе дивизии были смяты и, понеся тяжелые потери, к вечеру отошли. В отчете о боевых действиях Дроздовцев читаем: «Отход пехоты, имевшей на своем пути болотистую речку, носил очень тяжелый характер... Были случаи самоубийства добровольцев, от изнеможения не имевших возможности [уйти] от противника и боявшихся попасть в его руки. Оставленных на поле боя раненых и выбившихся из сил постигла страшная смерть».

Дроздовский постоянно находился в передовых цепях под непрерывным огнем. Не раз он, намеренно или неосознанно подражая известному персонажу пушкинского «Выстрела», шел в атаку с полной фуражкой черешен, внешне беспечно угощаясь ими. Нечеловеческое нервное напряжение, владевшее им, проявилось лишь в ночь на 17 июля на совещании с Казановичем: Дроздовский обрисовал обстановку в очень мрачных тонах, предлагая отступить на восток для спасения частей от уничтожения. Казанович возражал, видя в этом срыв всей операции, и после горячих споров, как старший, ввиду отсутствия связи с Главкомандующим, заявил о вступлении в командование всей группой и приказал утром возобновить натиск на Кореневскую.

Атаки 17 июля натолкнулись на необыкновенно отчаянный контрудар красных. Однако истекавшие кровью Добровольцы дождались радостного известия: Сорокин был атакован и со стороны Тихорецкой, а упорство его вызвано попытками прорыва из начавшегося окружения. Вскоре разбитый противник уже уходил двумя волнами; одну уничтожил 2-й Офицерский конный полк, вторую Дроздовский не решился преследовать пехотой, потерявшей более трети своего состава. По мнению Деникина, он опасался вновь оказаться отрезанным. И эти опасения не были напрасными.

Уход 1-й дивизии, получившей задачу нейтрализации северной группы Сорокина, осложнил положение Дроздовцев. Уже 19 июля Кореневская подверглась множественным атакам красных, которые не раз врываются на ее южные окраины. Противник начал и глубокий обход 3-й дивизии. Несмотря на упорство Добровольцев, положение складывалось безнадежное. Вечером Дроздовский начал отступление, пройдя за ночь 30 верст до станицы Бейсугской. В результате удалось полностью оторваться от противника и избежать окружения. Утром полковник сообщил Главкомандующему о небоеспособности дивизии из-за жестоких потерь и о ее потребности в отдыхе. Но Деникин назначил новое наступление Екатеринодарской группы, приказав и Дроздовскому, невзирая на переутомление его войск, вернуть Кореневскую и тем облегчить положение 1-й дивизии под Журавкой.

Оставив большую часть дивизии для прикрытия, Дроздовский выступил на Кореневскую, но, пройдя половину пути и получив сведения о сосредоточении в ней крупных сил противника, атаковать не стал и заночевал в хуторе Бейсужек. Казанович опять действовал без поддержки и без результата... Здесь приходится вспомнить сетования Деникина, что «многие начальники с чрезвычайной неохотой подчинялись друг другу»: возможно, самолюбивый Дроздовский не забыл приказа Казановича, всего неделю назад объявившего себя старшим, и намеренно придержал войска. Тот прекрасно понял это, и между дивизионными Штабами создались натянутые отношения. Только ут-

*Начальник штаба ВСЮР генерал-лейтенант
И.П. Романовский (в центре), генерал-квартирмейстер полковник
Ю.Н. Плющевский-Плющик (слева) и штаб-офицер для поручений
П.В. Колтышев, 1919 год*

ром 25 июля Дроздовский вышел в тыл Журавской группе красных и двинулся на Выселки, где дралась 1-я дивизия. Обойдя красных, он вскоре, однако, и сам оказался обойденным и лично во главе Солдатского полка отражал атаки. Красные, опасаясь окружения, стали прорываться сквозь боевые порядки белых; часть большевиков оказалась рассеяна огнем и уничтожена штыками, преследуемая Казановичем, причем Марковский полк в горячке боя попал под пули Дроздовцев. К 4 часам дня разгром группировки противника полностью завершился.

Сразу же появилась возможность развивать наступление на Екатеринодар; 27 июля 3-я дивизия взяла станицу Кирпильскую, имея основное направление на Усть-Лабу. По своему обыкновению основательно проведя развертывание, Дроздовский 29 июля атаковал и ее, и станицу Воронежскую. Отрезав противника от Екатеринодара, он неожиданно подвергся сильным фланговым ударам и перешел к обороне. В то же время наблюдался поспешный отход обозов красных за Кубань, ввиду чего к вечеру по личной инициативе командира 4-го Кубанского пластунского (внештатного) батальона 2-го Офицерского полка, Генерального Штаба полковника Запольского, наступление возобновилось совместно с Корниловцами. Воронежская и Усть-Лаба были взяты, а арьергард противника уничтожен.

Отдых 30 июля был прерван приказом Деникина о безотлагательном выступлении всеми наличными силами на Екатеринодар. К 1 августа кубанская столица была охвачена Добровольческой Армией с севера и востока. Дроздовцы в этот день заняли Пашковский разъезд, где стали на ночь. Наутро упорный бой возобновился. Через сады и кукурузные поля безостановочно пока-

тились цепи двух батальонов 3-й дивизии, заняли станицу Пашковскую и погнались противника дальше. Однако через некоторое время они были отбиты резервом красных. На этот раз Дроздовский действовал очень решительно. Подтянув подкрепления (почти всю остававшуюся пехоту дивизии), крепким лобовым натиском он остановил контрудар большевиков. Батальон Кубанского стрелкового полка, направленный Главкомандующим в тыл этой группе красных, вызвал их паническое отступление к городу. Пашковская вновь перешла в руки 3-й дивизии.

Вечером в город ворвалась 1-я конная дивизия генерала И. Г. Эрдели, а 3 августа Добровольческая Армия овладела Екатеринодаром полностью. Второй Кубанский поход окончился победой.

* * *

В этом походе проявилось расхождение Дроздовцев и остальных Добровольцев в тактических приемах. Добровольческой традицией еще с Ледяного похода стали лобовые удары и маневр всеми силами, расчет на собственную доблесть и моральную неустойчивость врага. Дроздовский же воевал «по всем правилам»: «медленное развертывание, введение в бой сил по частям, малыми “пакетами” для уменьшения потерь, которые от этого не раз становились еще тяжелее». Это позволило Деникину позднее не раз называть его «осторожным», завуалированно подчеркивая отсутствие у него навыков командования в Гражданской войне (многие, не исключая и офицеров Генерального Штаба, признавали, что ей присуща совершенно особая тактика, постичь которую позволяет лишь опыт). Естественно, опыт первопоходников на самом деле был богаче, и деникинские слова указывают скорее на некоторую отчужденность с Дроздовцами. Кстати, на овладение «новой» тактикой Дроздовскому понадобилось всего два месяца, и под Екатеринодаром он действовал уже вполне «по-Добровольчески».

Сами же Дроздовцы сосредотачивали внимание на другом: «Во все время этих боев генерал Романовский упорно проводил свой план по уничтожению нашей дивизии, держа ее непрерывно на главном направлении, и дивизия несла крупные потери. Отношения между Дроздовским и Романовским стали открыто враждебными. Дроздовский опасался покушения на себя со стороны каких-либо лиц, посланных Романовским». Утверждалось, что начальник Штаба Армии блокировал и поступление пополнений, вынуждая начальника 3-й дивизии самого, частным порядком хлопотать о них. В частных разговорах Дроздовский неоднократно заявлял, «что Романовский явится прямой и непосредственной причиной гибели Белого движения»; делая практический вывод, Бологовской предложил убить его, на что Михаил Гордеевич якобы отвечал: «...если бы не преступное, сказал бы я, пристрастие и попустительство Главкомандующего к нему, то я ни минуты не задумался бы обеими руками благословить вас на это дело. Но пока приходится подождать». Как видим, тучи над Романовским начали сгущаться задолго до того весеннего дня 1920 года, когда он, уже будучи эмигрантом, стал жертвой покушения.

* * *

После взятия Екатеринодара 3-я дивизия получила приказ выйти за реку Кубань и овладеть Армавиром; по указанным выше причинам начдив счел операцию рискованной, чем вновь обострил отношения со Штабом Армии.

Наконец, 26 августа, после неоднократных разведок, войска частично осуществили переправу и двинулись во фланг противнику. После упорных четырехдневных боев была взята станция Гулькевичи, затем Кавказская, после чего наступление разворачивалось вдоль железной дороги. Противник, получив значительные подкрепления, к 1 сентября сумел оттеснить Дроздовцев обратно к Гулькевичам. Взаимодействовавшая с ними 1-я конная дивизия (принятая накануне генералом П. Н. Врангелем) сковала Михайловскую группу красных.

По полученному ранее приказу Главнокомандующего, 2-я дивизия генерала А. А. Боровского 2 сентября ударила в тыл армавирской группировке противника и овладела Невинномысской. По удачному для Добровольцев совпадению удалось предупредить наступление большевиков, назначенное на это же число. Войска Сорокина в беспорядке отхлынули к Армавиру. Белые продолжали громить противника. Отбив 3 сентября все атаки, Дроздовский на следующий день перешел в наступление. На рассвете 6 сентября он вышел к Армавиру, и после многочасового боя части 3-й и 2-й дивизий сомкнулись уже в самом городе; армавирская группировка Сорокина перестала существовать. Преследование ее отступавших остатков продолжалось до ночи.

Но уже к 10 сентября к Армавиру подошла Таманская Красная Армия, насчитывавшая до 35 тысяч штыков и сабель. С 12 сентября при сильной огневой поддержке начались ее атаки на 3-ю дивизию и охват города с севера. Дроздовский неоднократно бросал войска в контратаки и продержался до вечера. Когда же Таманцы стали разворачиваться и к югу от Армавира, он счел положение рискованным и в ночь на 13 сентября переправился на правый берег Кубани, в Песчаноокопскую, сохранив переправу за собой. На сей раз, по признанию самих офицеров, главный удар им нанес не противник, а винокуренный завод барона Штенгеля, о чем один из участников событий выразился очень кратко: «Пропили Армавир». Пьянство Добровольцев, конечно, носило отпечаток надрыва: страшное психическое напряжение требовало расслабления.

Проявилось это и в Песчаноокопской. Вспоминает офицер-кавалерист: «Каждое утро, когда эскадрон просыпался, на подводах посылались на свиной остров (свиноферму. — Р. А.) компания охотников, которая и привозила двух-трех убитых свиней. Затем ввиду близости завода барона Штенгеля начиналось ежедневное повторение армавирской программы: завтраки переходили в обеды и ужины непрерывной чередой, а ночью по пустынным улицам Песчаноокопской среди темных, мрачно молчаливых домов скакали бешеные пары и тройки, в одиночку и целыми поездами, пугая мирных домовых старообрядческих хат смехом, пением и стрельбой в воздух, — это эскадроны ездил друг к другу в гости» (в эти дни кавалерия стояла в резерве).

Между тем на рассвете 13 сентября подошло подкрепление: полторатысячный отряд полковника Н. С. Тимановского уже в полдень атаковал красных, занял их позицию, но Дроздовский приказал в бой не вступать и инициативу не поддержал. Он намеревался дать двухдневный отдых своей пехоте, но на следующий день получил повторный приказ Деникина вернуть Армавир. Ответом было: «Противник в превосходящих силах защищается, дивизия несет большие потери, подтягиваю резервы и перехожу в решительную атаку»; Командующему ответ понравился, и он даже заметил Романовскому: «Вот донесение война». Совместно с Марковцами Дроздовский ударил на город с северо-запада, но успеха не добился. Через день под Армавир прибыл сам Деникин, которому Дроздовский доказал бесцельность штурма города до

разгрома Михайловской группы большевиков. Главком согласился и тогда же, 16 сентября, приказал Дроздовскому ударить в ее фланг и тыл совместно с 1-й конной дивизией.

Таким образом, имеющиеся советские данные о штурме Армавира 17 (30) сентября и полном разгроме двух ворвавшихся в город офицерских полков (могут иметься в виду Марковский и 2-й Офицерский), мягко говоря, противоречат сведениям белогвардейских источников.

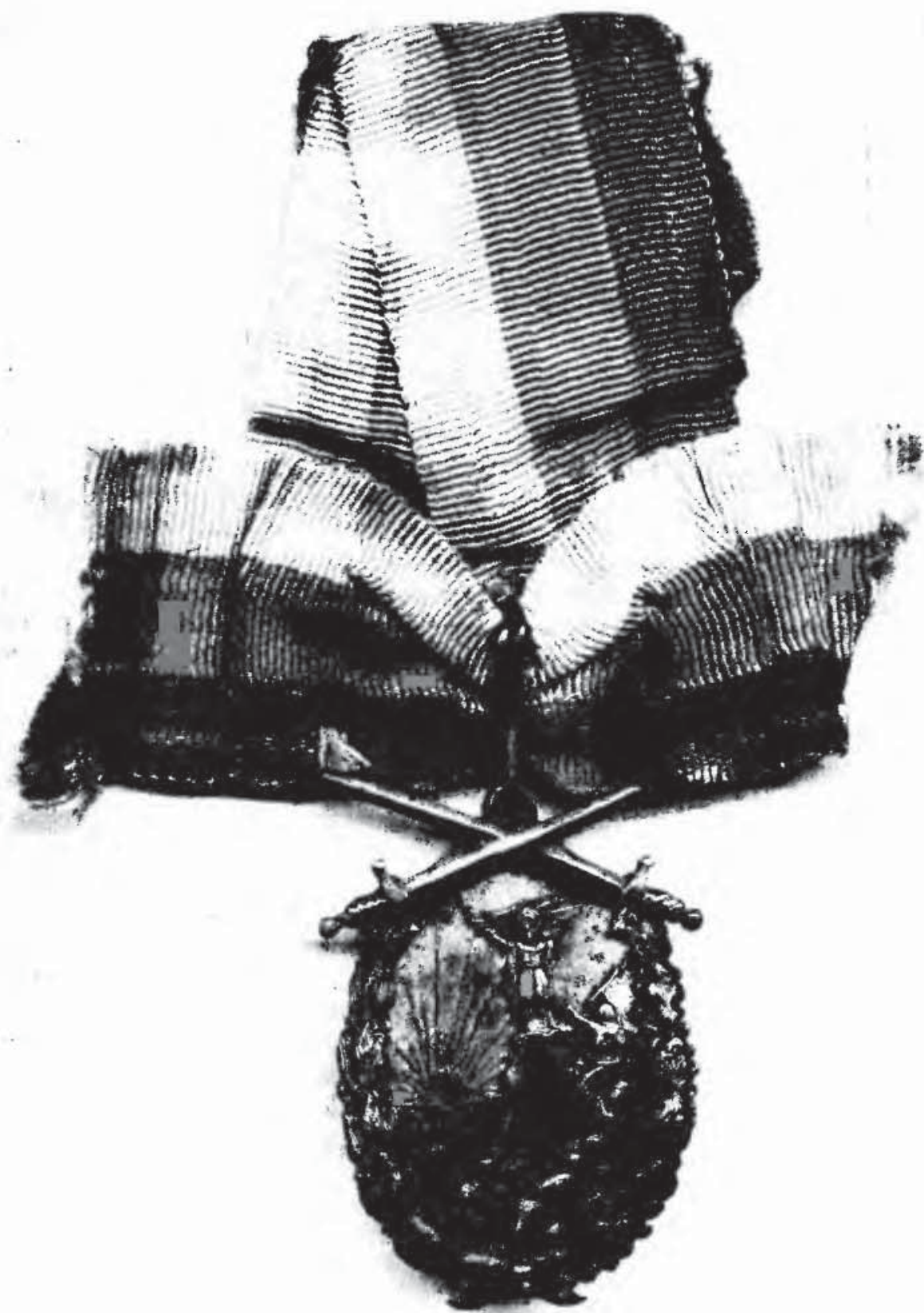
Выйдя на позиции Врангеля к вечеру 17 сентября, Дроздовский, игнорируя деникинский приказ, сменил его конницу своей пехотой и на другой день в одиночку атаковал Михайловскую. В итоге 3-я дивизия не только понесла тяжкие потери (помимо всего прочего, сказалось отсутствие снарядов), но и отступила гораздо дальше прежних позиций 1-й конной дивизии, к Петропавловской. Во время новой встречи Командующий сделал Дроздовскому резкий выговор. Его точное содержание неизвестно, но, вероятно, речь шла об обвинении в недопустимой самодеятельности при исполнении приказов. Начдив вспылил и 27 сентября направил Деникину рапорт, который по тону больше напоминал бы памфлет, если бы не содержал столько горечи: «Невзирая на исключительную роль, которую судьба дала сыграть мне в деле возрождения Добровольческой Армии, а может быть, и спасения ее от умирания, невзирая на мои заслуги перед ней, мне, пришедшему к Вам не скромным просителем места или защиты, но приведшему с собой верную мне крупную боевую силу, Вы не остановились перед публичным выговором мне...»

По сути подчеркивая свое значение и намекая на личную преданность частей, Дроздовский высказал претензию на самостоятельность в решении боевых задач и потребовал избавить себя от критики. На это сильно повлияла та «травля», о которой возмущенно говорили Дроздовцы: «За малейшую неточность, за малейшую оплошность, за малейшее промедление, происшедшее благодаря превосходству сил противника, Дроздовский получал от Деникина, соответственно информированного Романовским, замечания и выговоры в приказах и устно публично». Но, хотя Романовский и пресек выступление Михаила Гордеевича (вернув ему рапорт с отказом доложить Деникину⁵¹), Командующий фактически уступил, оставив его без дисциплинарных последствий из-за опасения конфликта с 3-й дивизией или даже ее ухода из Армии. Справедливости ради отметим, что и в Красной Армии в те дни нередко вспыхивали внутренние трения, доходившие «до междоусобных стычек в 5 километрах от противника».

* * *

С началом сражения под Ставрополем 3-я дивизия была усилена пластунской бригадой и получила приказ задержать перешедшего в наступление от Невинномысской противника до подхода подкреплений. Дроздовский 10 октября оборонялся в целом успешно, а на другой день контратаковал – неудачно и с большими потерями. Захват красными горы Недреманной – господствующей над позициями высоты – привел к отходу на Татарку (11 верст от Ставрополя). Ведя при поддержке Корниловского ударного полка напряженный бой на южных подступах к городу, Дроздовскому не удалось сломить противника. В полдень 14 октября Добровольцы, сопровождаемые толпами беженцев, оставили Ставрополь.

Понимая серьезность положения, Деникин 18 октября прибыл в Рождественскую, где говорил с офицерами 2-й и 3-й дивизий. По воспоминаниям, его слова о поражении Германии и возможной материальной помощи союзников дали «глубокую, ничем не сокрушимую уверенность в доблести доброволь-

Медаль за поход Яссы-Дон

цев, которая ведет, несомненно, к нашей победе». Сам же Главнокомандующий (Деникин стал так именоваться после смерти Верховного Руководителя Добровольческой Армии генерала Алексева) с облегчением вновь убедился, что рядовое офицерство не затронуто амбициозностью начальников и готово к дальнейшей борьбе. Затем несколько дней войска отдыхали и получили незначительное пополнение. Способствовал подъему настроения и успех Кубанской дивизии генерала В. Л. Покровского, овладевшей Невинномысской.

Уже 22 октября части Дроздовского вместе со 2-й дивизией с большими потерями вновь дошли до окраины Ставрополя. На следующий день 2-й Офицерский полк занял часть северных предместий и закрепился в монастыре; видимо, во избежание «самодеятельности» начальника дивизии вместе с полком шел Полевой Штаб Главнокомандующего. Когда же 24 октября противник бросился в яростные контратаки, наступление забуксовало. Деникин приказал 1-й дивизии нанести встречный удар из Невинномысской. К 28 октября Врангель вышел к Ставрополю с запада, Казанович с юга и Покровский с юго-востока, что породило в городе панику. Красное командование спешно формировало заградотряды.

29 октября крупные силы противника вели упорные и многократные атаки на всех участках. Они не имели успеха нигде, кроме фронта Дроздовского, чья дивизия с громадными потерями была отброшена на две версты, но затем смогла задержаться. Впрочем, не приходится винить в этом отступлении начальника дивизии, чьи войска были потрепаны сильнее всего и вдобавок приняли на себя самый мощный удар красных, для которых имел смысл только прорыв из кольца на север.

Затишье 30 октября говорило о крайней изнуренности обеих сторон. О том, насколько были обескровлены Дроздовцы и вошедшие в соприкосновение с ними Корниловцы, свидетельствует участник боев: «...Броневи́к “Верный” обогнал группу корниловцев, человек в 150, шедших со своим знаменем. Впереди ехал капитан Скоблин. “Где же Корниловский полк?” – спросил капитана Скоблина капитан Нилов (Дроздовец-«походник», командир «Верного». – Р. А.). “Вот все, что от полка осталось”, – послышался печальный ответ».

Утром 31 октября 1918 года большевики обрушили мощный натиск по расходящимся направлениям – на север и юго-восток. Если части Покровского им удалось лишь потеснить, то «совершенно растаявшие» полки 2-й и 3-й дивизий были опрокинуты и, преследуемые по пятам, отходили на северо-запад. Дроздовский собрал все боеспособные остатки своих войск и отчаянно контратаковал у Иоанно-Мариинского монастыря, лично, верхом на коне, ведя поредевшие цепи. И почти сразу был ранен в ступню ноги... Красным частично удалось прорваться, но бои продолжались до 2 ноября, когда Ставрополь окончательно заняла Добровольческая Армия.

* * *

Рана Дроздовского сначала показалась пустячной царапиной, но скоро отказ от удаления пули в полевых условиях придется называть роковым. Михаил Гордеевич был эвакуирован в Екатеринодар... Дальнейшие события освещены крайне смутно и интерпретированы противоположно. Дроздовцы, исходя из принципа «ищи того, кому это выгодно» и продолжая версию противостояния их командира и Романовского, давали такое объяснение: Дроздовскому «была искусственно и намеренно привита гангрена... Физическим виновником этого преступления является профессор Плоткин, еврей, вскоре после смерти Дроздовского отправленный соответствующим начальством за границу и не вернув-

шийся оттуда. Тайным же вдохновителем Плоткина является, конечно, Романовский. Документы об этом находятся... в распоряжении доктора Матвеевой, которая ходила неотлучно за Дроздовским со времени его ранения (заметим, что никакие документы на этот счет так и не были обнародованы ни во время войны, ни в эмиграции. — Р.А.)»... «В буйных головах зарождался план мести».

С другой стороны, нельзя и отрицать полное отсутствие в лазаретах антисептических средств, даже йода. Учитывая, что в Екатеринодаре менее чем за два месяца Дроздовский перенес восемь операций, можно уверенно констатировать его почти полную обреченность в таких условиях. Предложения перебраться в ростовскую клинику своего знакомого профессора Напалкова Михаил Гордеевич сначала легкомысленно отвергал, не считая себя тяжелораненым и не желая занимать там одно из немногочисленных мест. Заметим, что если бы Дроздовский разделял запоздалые подозрения своих подчиненных, направленные против Романовского, он должен был бы при первой возможности перебраться к врачу, заслуживающему личного доверия. А это произошло только 26 декабря.

Кубанский Атаман генерал А. П. Филимонов предоставил вагон из собственного поезда. Дроздовский страдал от жестоких болей, и с ростовского вокзала до клиники, сменяясь, его несли выздоравливающие офицеры 3-й дивизии, лечившиеся в местных госпиталях. Город помнил приход Отряда Русских Добровольцев в апреле, и теперь неорганизованно, но искренне встречал их командира. Молчаливые толпы провожали носилки; в почетном карауле стояли Лейб-Казачи и Лейб-Атаманцы. В клинике Дроздовцы несли бессменный караул возле палаты.

Еще 8 ноября, в день своего Ангела, полковник Дроздовский был произведен в генерал-майоры, а 25 ноября устанавливалась медаль в память похода «Яссы — Дон». Не кажутся ли такие почести подозрительными и не значит ли это, что уже тогда в Штабе Главнокомандующего знали об обреченности Дроздовского? Впрочем, сам Деникин, вряд ли понимавший всю глубину конфликта Романовского и Дроздовского, лично посетил Михаила Гордеевича, сообщил о производстве и потом вспоминал, «как томился он своим вынужденным покоем, как весь он входил в интересы армии и своей дивизии и рвался к ней».

Едва осмотрев раненого, Напалков принял решение о срочной ампутации, так как это была единственная зыбкая возможность спасти ему жизнь. Одновременно он успокаивал Дроздовского, еще думавшего о сражениях, что протез не будет помехой даже при верховой езде. На операции, по настоянию Михаила Гордеевича, присутствовали его офицеры; после нее, казалось, наступило облегчение, и командир отправил подчиненных в полк, обещая скоро вернуться. «А 1 января 1919 г., в самую стужу, в сивый день с ледяным ветром, в полк пришла телеграмма, что генерал Дроздовский скончался. Он к нам не вернулся», — пишет убитый горем соратник. Точная причина смерти так и осталась невыясненной: называли и гангрену, и заражение крови, и тиф... и отравление.

По злой иронии судьбы, Дроздовскому пришлось умирать «дважды». Есть сведения, будто утром, за считанные часы до смерти, в ростовских газетах непонятным образом появился его некролог. Впрочем, находившийся в тяжелом состоянии генерал, скорее всего, не успел узнать об этом.

* * *

Для увековечения памяти Дроздовского его имя было присвоено 2-му Офицерскому стрелковому полку (развернутому впоследствии в трехполковую дивизию), 2-му Офицерскому конному полку, артиллерийской бригаде и бро-

*Бронепоезд
«Генерал Дроздовский»,
Ростов-на-Дону, 1919 год*

непоезду. Деникин писал в прощальном приказе: «Высокое бескорыстие, преданность идее, полное презрение к опасности по отношению к себе соединились в нем с сердечной заботой о подчиненных, жизнь которых он всегда ставил выше своей...»

Однако не обошлось и без еще одной «злой шутки»: иначе Дроздовцы не могли квалифицировать назначение начальником 3-й дивизии того самого генерала Асташова, который участвовал в добровольческом движении на Румынском фронте, отказался от похода и расплыл свою бригаду, прибыв затем в Добровольческую Армию частным порядком. «Но он прокомандовал дивизией всего три дня: вокруг него образовалась такая густая атмосфера, что ставка принуждена была срочно убрать его подальше от дивизии», — свидетельствует участник событий. Неприветливо был встречен и генерал В. З. Май-Маевский, не являвшийся «походником». В конце концов признание получил только «свой» генерал Витковский.

Возвращаясь к роли Романовского в происходившем, заметим, что в дивизии «всегда могли быть более или менее в курсе дел и намерений ставки», поскольку в монархическую организацию покойного Дроздовского входил председатель Особого Совещания при Деникине генерал А. М. Драгомиров, а в Штабе Армии работали Дроздовцы капитаны В. С. Дрон и П. В. Колтышев. Как бы то ни было, загадочно звучат слова ближайшего помощника Дроздовского, что вражда двух генералов окончилась «и так же трагически для Романовского», совсем неожиданно освещая и гибель последнего в 1920 году...

* * *

Безграничное отчаяние Дроздовцев постепенно сменилось благоговейным отношением к памяти командира и всему, с ним связанному, что не могло обойтись без сильнейшей идеализации. Вот лишь два характерных примера. В октябре 1919 года в занятом белыми Чернигове в богадельне жила неизлечимо больная сестра Дроздовского Юлия Гордеевна; благодаря трогательной заботе Дроздовцев ее эвакуировали на юг в сопровождении полковой сестры милосердия. А когда ранней весной 1920-го Добровольческая Армия откатывалась к Новороссийску, специальный отряд офицеров-«походников» ворвался в Екатеринодар, где был похоронен Михаил Гордеевич, и отбил дорогой им прах, спасая от неизбежного большевицкого надругательства.

Вторично Дроздовский был тайно погребен в Севастополе, где некогда сражался его отец; о месте захоронения знали всего шесть человек, но их попытки найти могилу во время Второй мировой войны успехом не увенчались. На русском кладбище Сент-Женевьев-де-Буа под Парижем установлен памятный знак

на символической могиле генерала Дроздовскому, в отличие от многих Белых военачальников, выпала судьба навсегда остаться в русской, а не в чужой земле.

* * *

Кем же был генерал Дроздовский в жизни и кем останется он в истории? Конечно, не «кровавым палачом народа», каким долго изображали его противники. Но и не «Архистратигом Михаилом», и не «идеальным рыцарем без страха и упрека», который запечатлен в летописях и легендах Белого движения. Прежде всего он был земным человеком, безусловно выдающимся, наделенным сильным цельным характером и охваченным сильными страстями.

Несомненны организаторский талант и дипломатические задатки этого человека. Мало кто мог сравниться с ним как командир и воспитатель; под неброской внешностью скрывались неординарные задатки вождя. Упорство, огромная трудоспособность и искреннее материальное бескорыстие неотъемлемы от него так же, как и жесткая требовательность, непримиримая беспощадность к врагам и резкая вспыльчивость. Завышенная самооценка и основанная на ней амбициозность не раз сталкивались с подобными качествами других генералов, не лучшим образом сказываясь в целом на судьбах Белого Дела, которому Дроздовский посвятил себя без остатка.

Талантливый офицер Генерального Штаба и хороший войсковой командир, во время Гражданской войны он нередко действовал неудачно, что, однако, было связано и с нежеланием покупать победу «большой кровью», и с планированием операций в вышестоящем штабе, — хотя и отказ от «правильного» маневрирования в угоду «добровольческой» тактике также не принес заметных результатов. Игнорирование деникинских приказов можно объяснить и творческим подходом к решению боевых задач. В общем, Дроздовский, даже не обладая гениальными военными дарованиями, ничем не уступал другим, более знаменитым Белым генералам. Личное же мужество позволяет провести параллель с его кумиром — Корниловым.

Последовательный монархизм Дроздовского, пусть и не имевший в то время реальных перспектив, показывает устойчивость убеждений, которые он просто не мог произвольно менять в зависимости от конъюнктуры. Думается, монархия виделась ему в роли средства — сильной единоличной власти — для возрождения Великой, Единой, Неделимой России, то есть для достижения национально-патриотической цели. Однако острая постановка политических вопросов в пику «непредрешенческой» позиции большинства Добровольческой Армии, привлекая единомышленников, в то же время угрожала расколом. Гораздо ценнее представляются старания Дроздовского заслужить симпатии политически пассивного большинства населения восстановлением элементарного административного порядка на подконтрольных территориях.

Путь Михаила Гордеевича Дроздовского в Белом движении — типичный пример судьбы выдающейся личности в эпоху «великих потрясений». И эпитафией ему могут служить восторженные слова соратника:

«В огне спадают все слова, мишура, декорации. В огне остается истинный человек, в мужественной силе его веры и правды. В огне остается последняя и вечная истина, какая только есть на свете, Божественная истина о человеческом духе, попирающем саму смерть.

Таким истинным человеком был Дроздовский...»